

Владимир Лисицын



ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕССИРА

Книга 2-я

Владимир Лисицын

Возвращение мессира. Книга 2-я

«Издательские решения»

Лисицын В.

Возвращение мессира. Книга 2-я / В. Лисицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851329-9

Тот, который искушал в пустыне на заре Новейших времён, посетил теперь наше сегодняшнее Время. Что он выдумал на этот раз, как объясняет происходящее с нами и что пророчит в будущем — вы узнаете из данного романа.

ISBN 978-5-44-851329-9

© Лисицын В.
© Издательские решения

Содержание

Часть четвёртая. На Москва-реке	6
15. Причал у дома на набережной	6
16. Призраки из «Леты»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Возвращение мессира

Книга 2-я

Владимир Лисицын

Памяти Михаила Афанасьевича Булгакова посвящается

© Владимир Лисицын, 2017

ISBN 978-5-4485-1329-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть четвёртая. На Москва-реке

15. Причал у дома на набережной

Очнулся Голицын от сочного колоритного баритона Мессира. О чём тот ему говорил – он не понял, а понял, что ему смертельно хочется курить. Тогда он потянулся к красной пачке сигарет, и увидел в пепельнице ещё один пепельный скелет второй своей сигареты. И снова он с трудом выловил в пачке сигарету, вынул её оттуда, и с облегчением закурил.

Ночной свет был выключен, и каюта сумрачно освещалась дневным светом от иллюминатора.

Теперь, Голицын увидел стоящего перед ним Князя тьмы, который был одет в шикарный бостонский костюм цвета «тёмный электрик» в белую продольную полоску, в петлице которого, красовалась алая роза. Под пиджаком его была чёрная сорочка, с маленьким воротничком-стойкой, как косоворотка, и с алыми светящимися пуговицами, в тон алой розе. На голове его была тёмно-зелёная фетровая шляпа, с широкими разно-загнутыми полями. Был ОН без очков и красив лицом, хоть оно и было несколько скрыто полутьмою.

– Я говорю, что мы приплыли, маэстро, – выговорил ОН.

– Что значит – приплыли?? – почему-то испугался пассажир.

– Москва, – пояснил тот.

– Как, уже Москва? – панически удивился Голицын, прикинув к иллюминатору, и увидев, что причалена их яхта в самом центре столицы.

– Что значит – уже? Пора уж ей и быть, – невозмутимо возмутился капитан.

– Да?

– Да.

– Ну, и что теперь? – недовольно настороженно спросил пассажир, вернувшись на место, и прикрывая одеялом свою наготу.

– Приводите себя в порядок, и поедем обедать.

– Куда – обедать? – ещё больше насторожился пассажир

– В город, куда же ещё, – удивился, в свою очередь, капитан.

– Я не хочу в город, – недовольно сказал Голицын.

– Не хотите пройтись по вечерней Москве? – не понял Мессир.

– Да, не хочу, – упрямо выговорил тот.

– Тяжёлый случай, как гофорят у фас, – пожал плечами Мессир.

– Так, мы для чего сюда прибыли? – поставил вопрос ребром пассажир.

– Здесь у нас пересадка, – спокойно ответил Мессир.

– Какая пересадка?? – снова испугался тот.

– Утром у нас самолёт, – делово ответил Князь тьмы.

– Какой самолёт?? – замер Голицын.

– На Лондон, – пояснил Мессир.

– Какой Лондон?! – попёр как на бочку Голицын.

– Да. У нас там дела, – невозмутимо излагал ему Мессир, – у нас там встреча с Ежену, которая теперь зовётся Александрой.

– Почему Александрой? – увлёкся доводами Мессира Голицын.

– Потому что она крестилась и в крещении наречена была Александрой, в честь Великого князя – Александра Ярославича Невского.

Голицын задумался, вспоминая о чём-то, а потом сказал:

– Ну, а зачем нам Москва?

– Да и гостей мы ждём, – как будто не слыша вопроса своего собеседника, проговорил Мессир. – Видите, Седой нам гостей намывает.

Голицын посмотрел вниз, и увидел рядом с ногами Мессира, обутыми в чёрные лакированные модельные туфли, ката, вдохновенно умывающего лапой свою мордочку, и мелькающего своим красным язычком.

– Каких ещё гостей? – спросил Голицын, и впервые, за весь разговор, настороженно посмотрел в глаза Мессира.

– Ну, во-первых – вот-вот должна подойти Лика, – и ОН делово приподнял руку, и посмотрел на свой бриллиант, – она уже прилетела самолётом из Ростова, – прибавил он к уже сказанному.

– Так её не посадили? – обрадовано спросил Голицын.

– Это она сама вам расскажет, я думаю.

– Ну, а во вторых? – не отставал Голицын.

– А во вторых – сегодня ночью, я должен провести на яхте «Спиритический сеанс». Билеты все уже давно проданы. Участников, естественно, немного. Билеты супер дорогие. А потому, хода назад нет. Вот – ваш билет. Бесплатно.

И Мессир протянул Голицыну билет из твёрдой глянцевой бумаги, сделанный как визитка. На чёрном блестящем фоне было написано золотыми буквами:

с п и р и т и ч е с к и й с е а н с
«ПРИЗРАКИ ИЗ „ЛЕТЫ“»
нервных просим удалиться.
Международный мастер спиритизма
Проф. **ВОЛАНД.**

– А почему вы поставили здесь это имя? – поинтересовался Голицын.

– А почему – нет, если оно так хорошо раскручено на Москве? Что же я буду кочевряжиться, как у фас гофорят? Спасибо Михал Афанасьичу.

– Но это может отпугнуть клиентов, – предупредил Голицын.

– Ну, что вы, – возражающе пропел Князь тьмы, – любителей острых ощущений это вдохновит. Другие же – «Фомы неверующие» придут, чтобы посмеяться над незадачливым профессором и его громким провалом. Они же уверены, что никакого Воланда не существует. А третьи – придут посмеяться над теми, кто вообще поверил, что это мероприятие состоится, заплатив такие бабки, как у фас гофорят. Так что, всё в порядке, – резюмировал ОН, сверкнув глазом.

Голицын перевернул билет, там был указан адрес: яхта у дома на Набережной. Число и время, на его бесплатном билете, не было проставлено.

– Наденете свой выходной костюм, – сказал Мессир, – в этом, вас не пустят в ресторан, – и, отступив в сторону, ОН открыл вид на висящую на спинке стула белую одежду Голицына, поверх которой красовались его подарочные трусы. – Трусы наденете, а всё остальное, вместе с босоножками, сложите в свою сумку, – распорядился Мессир.

– Какой выходной костюм? – не понимал Голицын, – у меня здесь нет никакого костюма.

Мессир тут же отошёл к шкафу, и возвратился, с висящим на плечиках, костюмом, в одной руке и чёрными туфлями, в другой своей руке.

– Вот ваш тёмно-синий костюм с белой рубашкой и красно-золотым блестящим галстуком. А вот, ваши туфли с узкими носами.

ОН положил костюм на койку, и поставил туфли на пол.

– Что, не узнаете свой костюм? – спросил Князь тьмы чуманеющего пассажира.

– Да, всё понятно, – устало ответил тот, – узнаю.

– Вот и прекрасно, – отметил Мессир, – приводите себя в порядок, одевайтесь, и мы ждём вас у трапа. Пойдём, Седой, – позвал он кота, и они вышли вон.

Голицын долго принимал душ. Ему тяжело было отойти от всего увиденного и услышанного за эту ночь. А может и не за ночь. Он совсем уж потерял время.

Придя из душа, он оделся, выпил чашку горячего чая, сложил свою летнюю одежду с босоножками в сумку, как наказал Мессир, закурил сигарету с фильтром, и вышел из каюты.

У белоснежного трапа его ждал Мессир, в своём полосатом костюме, и с тростью, в правой руке.

– Прошу, маэстро, – изящно указал он на трап.

Сойдя на берег, Голицын увидел на набережной фаэтон, в который запряжена была грациозная вороная кобыла, а на облучке сидел большой чёрный кот, во фраке с белой манишкой и красной бабочкой, и в чёрном цилиндре, на голове.

– Карета подана, господа! – проорал Седой. – Эх, прокачу! Только не жалею монету, пассажир, и тогда – хоть на край света.

– Прошу в экипаж, – предложил Голицыну Мессир.

Тот сел в фаэтон, подозрительно глядя по сторонам, Мессир сел рядом, и подал команду коту:

– Гони, ямщик, мы за ценой не постоим.

– Пошла, милая! – залихватски крикнул извозчик, заправски щёлкнув вожжами, и оглушительно свистнув, как Соловей-разбойник.

И вороная кобылка, в серебряной сбруе, пошла грациозным быстрым шагом.

– А где же Лика? – встрепенулся Голицын.

– А вот она, родимая! – вместо Мессира, откликнулся с облучка кот.

– Где?? – не понял Голицын.

– Да вот же, – воскликнул кот, и ловко выхватив из-под себя кнут, с длинным хлыстом, и размахнувшись им, щёлкнул кобылку вдоль спины, – ховчей, Лика, ховчей пошла! – заорал кот, и как заправский лихач, закрутил над головой кольцом длинного хлыста.

Голицын вопросительно посмотрел на Мессира.

– Всё нормально, – сказал тот, – все на месте. Бэс несёт вахту на яхте, а мы – несёмся по Москве, – попытался сострить Князь тьмы.

Фаэтон промчался по Большому мосту, поднялся по Васильевскому спуску, и Лика, цокая копытцами, пошла мимо храма Василия Блаженного – прямо на Красную площадь.

– Вы с ума сошли! – испуганно зашипел на Мессира Голицын, – куда вас нечистая несёт?! Здесь же полно милиции! Здесь же президентский выезд!

– Да плевать я хотел на президентский выезд! Президентов много, а Я – один. Так что, прошу любить и жаловать, – разгульно проговорил Князь тьмы. – Вот, видите – молодые милиционеры, только глаза на меня пялят, а седой полковник – честь мне отдаёт – знает свою службу, и я не поленюсь его поприветствовать, – и Мессир слегка приподнял свою фетровую шляпу.

Но больше никто, из многочисленных площадных зевак, не обратил на них особого внимания.

Так, они выехали с Красной площади, и катили уже мимо гостиницы «Москва».

– Застыла родная, в ожидании смерти, – сказал Голицын, осматривая величественный фасад сталинского детища, в огромном ресторане которого, он иногда любил затеряться, в поздний вечер, перед его закрытием, чтобы выпить пару рюмок водки со стаканом томатного сока. Как у себя дома – в Ростове – в буфете «Московского» ресторана. И ни там, ни здесь – отказа никогда не было.

От этих воспоминаний, у Голицына потеплело в душе.

– Снесу-у-ут, – холодно констатировал Князь тьмы.

И под этот холодный аккомпанемент Мессира, Голицын огляделся вокруг, на все эти супер новшества, и ему снова стало не по себе, особенно когда ему на глаза попало пепелище ещё одного знакового здания – «Манежа».

А Лица давно уже свернула влево, прошла мимо Александровского сада, и пошла, пошла, заходя, при необходимости, на тротуары, распугивая зевак-пешеходов, которых надо конечно любить и уважать, но при таком скопище автомобилей, не до сантиментов. И тут увидел Голицын, вдруг выросший перед его взором – огромный золотой купол с крестом храма Христа Спасителя. И тут же заметил, как Мессир резко отвернулся от увиденного.

– Что, глаза режет? – зачем-то с издёвкой спросил Голицын.

– Хэх! – тут же ответил Мессир, и прибавил, – Поздно. Жертвы второй Великой Отечественной уже состоялись.

И начатый было диалог, тут же оборвался.

А фэзтон, под чутким управлением кота, который, как и полагается заправскому извозчику, успел разругаться с пол Москвы её пешеходов и водителей, выехал на простор Калининского проспекта, /или называйте его теперь, как хотите/. Голицын умирал со смеху от реплик и выходок кота. Но больше всего уморила его реакция граждан на необычного извозчика: все были так!, как любил он говаривать в таких случаях, «задрочены», что никто не обращал никакого внимания, на то, что он ругался, с пеной у рта, с настоящим, только что большим, котом. И лишь некоторые из них, надолго оставляли свой молчаливый взгляд на коте, и о чём-то мучительно вспоминали.

– Да, люди у нас и вовсе, как собаки стали, – кручинясь головой, заметил Голицын.

– А что же вашим водителям, например, не стать собаками, когда с ними так грубо играют, – заметил, в свою очередь, Мессир.

– Что вы имеете в виду? – не понял попутчик.

– Я не буду отвечать вашей грубой шуткой на ваш провокационный вопрос, – пробросил Князь тьмы, – но замечу вам, что – газеты читать надо.

– Я не читаю газет, – нахмурился Голицын, – у меня нет ни желания, ни средств на эти желания.

– Я тоже их не читаю, я так знаю, и доложу вам, что Закон об «автогражданке» – это наглое обдирательство граждан.

– А-а, я что-то слышал об этом, – улыбнулся тот.

– А-а, – передразнил его Мессир, – толи ещё будет. Но я не люблю такой грубой игры по отниманию денег, где не требуется ни ума, ни сердца.

– Главное, что надо иметь для управления нашим государством – это наглость и полная отморозенность, сказал Голицын, и лениво прибавил, – хотя управлять у нас никогда не умели – у нас властвуют.

– Но вы счастливый человек, – оживился Князь тьмы, – у вас нет ни автомобиля, ни работы, ни квартиры своей. И, наконец, у вас нет жены. У вас ничего нет. Как будто вы и не жили никогда в этом государстве.

Голицына точно молния пронзила.

Он посмотрел на своего собеседника, но тот надел на глаза свои зеркальные очки, и лишь потом сказал:

– Разве я не прав, маэстро?

Голицын промолчал, отвернулся, склонил голову, и о чём-то задумался. К горлу его подступил совершенно неуместный ком. Но он пересилил себя, и, проглотив не прошенный ком, поднял голову, и, как ни в чём не бывало, сказал:

– У нас, один такой вот – поверил, развернулся в своём деле, и всё заимел. Ну и что?

– Что? – не понял Мессир.

– Посадили, что.

- Я фас понимает, – с ломанным иностранным акцентом сказал, через паузу, Мессир.
- Нет, это я про другой случай.
- И про другой – я фас понимает, – кивал головою ОН.
- У нас же, страна – сплошная лагерная зона, как её не открывай, и не разгораживай.

И какие законы ни пиши, действовать здесь будет один закон – «ТАЙГА».

- Тр-р-р, – раздался голос кота, – приехали!
- Прошу вас, маэстро, – сойдя с подножки фаэтона, – сказал Мессир

Голицын вышел из экипажа, и спутники тут же вошли в небольшое помещение ресторана, где Князь тьмы предъявил швейцару, а затем, метрдотелю, какую-то бумажку, и они стали кого-то дожидаться.

Голицыну казалось, что голова его налилась свинцом. Он ничего не соображал и был никак не адекватен обстоятельствам – посещения ресторана, как увеселительного заведения.

Но вот, зацокали женские каблучки, и в ресторан вошла Лика.

Но Голицын тупо смотрел в пол, пока не увидел там, приблизившиеся к нему – серебряные босоножки, на высоком каблуке и с пряжками вокруг ножек одетых в чёрные соблазнительно-сетчатые чулки. Тогда он поднял голову, и увидел Лику, в чёрном платье с кружевным рисунком вышитым тонкой серебряной ниткой и, как всегда – супер коротком. Но зато застёгнуто оно было под самое горло и с длинными рукавами. На голове её был, непривычный для её лица, парик из чёрных волос. А через плечо и до бедра Лики, висела серебристая лохматая сумочка.

– Здравствуй, Пётр Григорьевич, – выговорила она своим поскрипывающим низким голосом.

– Здравствуй, прелесть, – растерянно поздоровался он, и взял, и поцеловал у неё руку, – как тебя встретила Москва – столица нашей Родины? – дежурно поинтересовался он.

– Ха! – иронично воскликнула Лика, – не успела я выйти из аэропорта, как меня тут же оштрафовала милиция..

– За что?! – изумился Голицын.

– За то, что я не зарегистрировалась, как приезжая из России в Россию.

– Так ты же только прилетела! Как ты могла зарегистрироваться?! – стал доказывать он ей, как будто она была милиционером, а не пострадавшей нарушительницей «славного» Закона.

– Так я им то же самое и толковала, – объясняла она бестолковому своему собеседнику. – Но уж лучше я заплачу, чем следовать за ними в Отделение. Знаем мы их «ОТДЕЛЕНИЯ». Тем более что срок на мне уже висит. Я теперь на том же

положении, в нашем обществе, на каком была Ангелина Владимировна. Как интересно мы живём! – весело заключила она.

– И на какую сумму вас, извиняюсь?.. – вмешался в их разговор Мессир.

– На три кусочка, – небрежно бросила Лика.

– На три-и?! – глубоко возмутился Голицын.

– Ха! – воскликнул Князь тьмы, – я вас предупреждал – «то ли ещё будет» вам от вашей «бюрократо-номенклатурато», строящих свой капитализм! Вспомните вы тогда МЕНЯ! Да боюсь, что поздно будет, – заключил ОН, и уже другим тоном сказал, – ну, довольно о ваших глупостях. К столу пора.

Их проводили к столику, где они уютно расселись по креслам.

– Так, выходит, извиняюсь, ты нас везла? – спросил её Голицын, удивляясь сам своему нелепому вопросу.

– Такова участь наших женщин – ничего удивительного в этом нет, – просто ответила она. Возникла пауза, и Мессир подал меню даме.

– Да, но тебя довольно лихо ласкали кнутом по спине, – не отставал Голицын, – тебе разве не было больно?

– Мне не привыкать, – ответила она, продолжая знакомиться с меню. – Видите, в каком я закрытом платье? Это я синяки свои прячу.

– Боже, я и забыл! Тебя пытали в станице?! – подскочил он в своём кресле.

– А как же, – спокойно ответила она.

– И ты призналась??

– А куда ж я денусь, – так же спокойно ответила она, роясь в своей сумочке.

– И ты сказала им, что ты убила Зою??

– И Зою, и Зоиною мужа, – говорила она, надевая на свой носик аккуратные очёчки, – но поджог коровника, в чём я, кстати сказать, призналась, с меня сняли.

– А на кого повесили? – заинтересовался он

– На короткое замыкание – от стихийного бедствия, – пробросила она, внимательно вчитываясь в меню.

– И был суд?

– Бы-ыл, – иронично протянула она.

– И что?

– Четыре года, – сказала она, не глядя на собеседника, а выставив перед ним руку свою с четырьмя торчащими пальцами, и загнутым к ладошке большим пальцем. – Условно, – прибавила она, и убрала руку.

– За два убийства – четыре года условно?? – удивился Голицын.

– Ну, они нашли жутко смягчающие вину обстоятельства, – игриво-элегантно проговорила она, и тут же обратилась к подошедшему к их столику официанту, – так, мне «Салат по-французски», «Жаркое по-русски», «Овощное рагу по-грузински»,... так, что у нас за фрукты на столе? – стала рассматривать она содержимое фруктовой вазы, – ага, всё нормально. И бутылочку французского «Божуле». Всё, – закончила она, и убрала очки.

Официант поднял глаза на мужчин, и приготовился фиксировать их пожелания.

Голицын, покраснев лицом, взял в руки меню, и посмотрел на Мессира.

– Нам то же самое, – сказал тот официанту, – но без вина – нам и бутылочки хватит.

– Хорошо, – вежливо сказал официант, и отошёл от их столика.

– А где же музыка? – поинтересовалась Лика, глянув по сторонам.

– Ещё не время для музыки, – успокоил её Князь тьмы.

И в это время, в зал ресторана, медленно и по-хозяйски вальяжно, вошёл чёрный котик, с сединой под носом. Он подошёл к соблазнительным ножкам Лики, и запрыгнул ей на колени.

– Ты фаэтон отправил? – спросил кота Мессир.

– Отправил, – недовольно буркнул тот.

– Молодец, – похвалил его Мессир. – Она тебя покормит, – кивнул он на Лику.

А Голицын всё ещё никак не мог отойти от её рассказа.

– Слушай, Лика, прелесть, тебе обязательно нужно показаться врачам, – сказал он ей жалеючи, – а то, после таких побоев бывают очень плачевные последствия.

– А, ничего, – махнул рукой Мессир, завидев подходящего к ним официанта, с подносом полным блюд, и устраивая на подлокотник кресла свою трость, – на них, как на кошках, всё заживает, – закончил ОН свою мысль о последствиях побоев.

– А это что, ваша кошка? – строго спросил официант, расставляя блюда.

– Это не кошка, это – кот, – пояснил ему Мессир.

– Ну, всё равно, – так же строго сказал официант, – это ваш кот?

– Наш, наш, – недовольно отозвался кот, отвернувшись от публики, и уткнувшись мордой в уютный женский уголок, между ногами и животиком Лики.

Официант глянул на Лику, по-дурацки улыбнулся, и ничего не поняв, пошёл прочь от их столика.

Мессир разлил вино по бокалам. После чего, Голицын взял в руки бутылку, и, поинтересовавшись этикеткой, поставил её на место.

– За русских женщин, не знающих износа! – вдруг сказал Мессир, подняв свой бокал.

– Это, чтобы они были готовы к дальнейшим побоям? – съехидничал Голицын.

– Потом вы произнесёте свой тост, – недовольно сказал Князь тьмы, – а пока что, пьём за сказанное МНОЮ.

Спутники содвинули свои бокалы, и молча выпили. Стали есть.

Во всём ресторане было так тихо, что стало слышно беспрерывное и всё усиливающееся урчание кота.

– По-моему, кот сейчас кончит на мне, – проговорила Лика, не отрываясь от еды, – или я кончу. Он так работает своими лапами... – повесила она в воздухе свою незаконченную фразу.

Голицын отрывисто захихикал, спрятав лицо под себя, и проговорил:

– Когда у меня была Хунта, и когда мне было очень тяжело, она забиралась на диван, ложилась мне на грудь, и вот так же урчала перебирая лапами. И мне становилось легче – она словно оттягивала что-то дурное от души моей. Но потом она доходила до иступления в своём ворчании, и я, пугаясь этого, в конце концов, убирал её со своей груди.

– Ну, наконец-то я поняла – вы панически боитесь распалившихся женщин! – громко воскликнула Лика, и вызывающе расхохоталась.

Мессир же взялся за бутылку, чтобы наполнить бокалы.

– Мне не наливайте, – вдруг категорично заявил Голицын, выпрямив спину.

– Что ж так? – спросил Мессир

– Мне не нравится это вино, – отрезал тот окончательно.

– А мне наливайте, – в пику Голицыну, сказала Лика, обращаясь к Мессиру.

И тут же, перед их столиком вырос официант.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался он у своих клиентов.

– У вас есть церковное вино? – строго спросил его Голицын.

– Мы же не в церкви, маэстро, – успокаивая Голицына, как ребёнка, сказал Мессир.

– Вы имеете в виду «Кагор»? – наклонив голову к Голицыну, спросил официант

– Да, я имею в виду – «Кагор», – конкретно сказал ему Голицын.

– У нас есть отличный отечественный «Кагор», – порекомендовал официант.

– Вот и отлично, – сказал, в свою очередь Голицын, – налейте мне бокал «Кагора», но только из бутылки. А бутылку откройте здесь – на моих глазах, – прямо-таки потребовал он.

– Желание клиента – для нас закон, – вежливо сказал официант, и пошёл за «Кагором».

– Вы не причащаться вздумали, маэстро? – поинтересовался Мессир, наполнив бокал Лики, и налив вина в свой бокал.

– Не ваше дело, – ответил Голицын.

Пришёл официант с бутылкой «Кагора», держа его в белой салфетке, и со штопором, и новым бокалом в другой руке. Он ловко и быстро открыл бутылку, и налил в новый бокал чёрно-красного вина.

– Спасибо, – поблагодарил его Голицын.

– Пейте на здоровье, – отозвался официант.

– Скажите, – обратилась к официанту Лика, – а у вас есть сигары «Соломея»?

– Есть, – тут же ответил тот.

– Принесите, пожалуйста, мне одну сигару, – манерно попросила она.

Официант, согласно склонив голову, ушёл.

– А где же ваши! хвалёные сигары? – грубовато спросил Голицын Мессира.

– Но у меня они не женские, – спокойно ответил Князь тьмы, и выложил на стол портсигар тёмно-коричневой кожи, и золотую зажигалку.

Ли́ка демонстративно подняла свой наполненный бокал, и сказала, нараспев:

– Мне и в самом страшном сне не могло бы присниться, что меня будут судить за убийство, оправданное моей безумной ревностью к Петру Григорьевичу. А потому, и предлагаю выпить за то, чтобы такие нелепости – больше не повторялись.

Мессир изобразил на своём лице саркастическую улыбку, и поднял свой бокал.

Заметив мину Князя тьмы, Голицын, снисходительно улыбаясь, глянул на Лику. Потом перевёл взгляд на уже совсем громко урчащего, и интенсивно перебирающего лапами по женским ногам, кота. И снова посмотрев на Лику, наигранно-лениво поднял свой бокал с исчернокровавым «Кагором».

Спутники зазвенели бокалами, и начали попивать вино.

Пришёл официант с сигарой и зажигалкой, на маленьком подносе, застеленном кипельно-белой салфеткой.

– Прошу, мадам, – склонился он, с подносом, перед Ликой.

– Зовите меня – мадмуазель, – капризно сказала она ему, и взяла с подноса сигару.

– Как вам будет угодно, мадмуазель, – сказал тот, и извлёк пламя из зажигалки.

Ли́ка раскурила сигару, и официант удалился.

Раскурили свои сигары и мужчины.

Отпив вина из своего бокала, и насладившись ароматной затяжкой сигарного дыма, Ли́ка взяла из вазы большой апельсин, и стала медленно очищать его своими тонкими музыкальными пальчиками, соблазнительно улыбаясь, и время от времени, кося глазками в сторону Голицына.

Кот же, всё урчал и урчал, зарываясь мордой в уютный и тёплый женский уголок, и не переставая работать подушечками своих шаловливых лапок.

Ли́ка отрывисто и грязновато захохотала:

– Ха-ха-ха! Седой, я же и вправду могу кончить, так!

– А вы говорите, маэстро, что её зря стегали, – заметил Мессир Голицыну, указывая длинными пальцами, с сигарой, на Лику.

И Ли́ка снова развязно захохотала.

– Кругом сплошной садомазохизм, – недовольно пробурчал Голицын.

И Ли́ка захохотала с новой силой.

– Ну, если вы, маэстро, даже боярыню Морозову, в своей одноименной пьесе, не пожалели, – говорил Мессир, перекрывая смех Лики. – Хлещите её там так, что мало никому не покажется, то, что же о простых смертных говорить?!

– Там её пытаются – и это понятно, – отговаривался автор.

– Так и её пытали, – урезонил его Князь тьмы, кивнув на Лику.

– А я говорю о другом садомазохизме. Например, о том, что ВЫ, Мессир, устроили на своём балу, в станице, – проговорил Голицын, как прокурор, произносящий обвинительную речь.

– Совершенно верно, это был садомазохизм, как вы сами изволили это назвать, а не садизм. Они того сами желали, – отвёл обвинения пассажира Мессир.

– Откуда вы знаете – чего они желали?

– Я-то знаю, – криво улыбнулся Князь тьмы краешком своих губ, – сами они, могут, кстати, и не знать, а Я – знаю.

– А вы что же, написали пьесу о боярыне Морозовой? – спросила Голицына Ли́ка, давно отошедшая от смеха.

– Я тебе говорил – ты забыла, – укорил её автор.

– Ха, – вдохнула она в себя, – забыла. Точно, – сыграла она. – Надо прочитать. – И она, взяв пальчиками дольку апельсина, сказала, – вы дадите мне прочитать свою пьесу, Пётр Григорьевич? – и выразительно вложила пол дольки апельсина себе в ротик, а другую половинку, вызывающе-соблазнительно высунула изо рта, явно зазывая Голицына – откусить эту половинку, прямо от её губ.

– Боярыня Морозова у вас – и падкая до мужчин женщина, – продолжал своё обсуждение пьесы Мессир, – и распутная гитеро-сексуалка, и ярая поборница «Старой веры», и неистово верящая во Христа. Не многовато ли это для одной персоны??

– Это даже маловато, князь, – отвечал Голицын, не отрывая своих лениво-озлобленных глаз от упрямо смотрящих глаз Лики, продолжающей держать в губах своих – высунутую наружу половину апельсиновой дольки, предлагаемую автору непрочитанной ею пьесы.

– Я не хочу, есть апельсин, – наконец выговорил Голицын Лике. – А что касаясь этой пьесы, то я и в ней использовал тебя в лице одной из персон. Видишь, значит, чем-то ты всё-таки продолжаешь волновать меня.

Она же, зажевав свой апельсин, холодно сказала ему:

– Это просто потому, что вы не обладаете мною.

И Голицын глубоко затянулся сигарным дымом. И наступило всеобщее молчание. И даже кот затих в своём урчании.

Глаз Мессира из-за его зеркальных очков видно не было, но чувствовалось, что он внимательно наблюдает за этой сценой.

Лица же, держа между пальчиками сигару, и наблюдая за её дымными кольцами, исходящими от горящего конца, заявила:

– Но я не умею любить, чтоб вы знали.

– О! Это-то я знаю, – с некоторым облегчением сказал Голицын. – Это я давно почувствовал, – прибавил он, и отпил вина из своего бокала.

– Ну, так и что же мне теперь делать? – спросила она через паузу, и ни на кого не глядя, а, продолжая смотреть на дымящийся конец сигары.

– Ну, мало ли, что мне иногда хочется, – проговорил Голицын менторским тоном, – иногда обуревают такая животная страсть, что кажется – разорвал бы!.. Но,.. обстоятельства и голова не позволяют сделать этого.

Кот снова громко заурчал, усиленно массируя лапами у паха Лики.

Лица откинулась на спинку кресла, стала гладить кота по его длинной чёрно-серебристой шёрстке.

– Вот так и вы когда-то меня гладили, помните? – обратилась она к Голицыну.

– Помню. Конечно, помню, – отозвался он.

– Но ничего у вас со мной не получилось, – констатировала она.

– Не получилось, – согласился он.

И в этот момент, она взяла кота за холку, и ссадила его на пол. И взгляд Голицына упал на её открывшиеся, до самых пажей, соблазнительно белеющие ножки в чёрной сетке её эпатирующих чулок. Ноздри Голицына вздулись, дыхание его сбилось, он стал задыхаться, и они встретились взглядами.

– Официант! – вдруг выкрикнул Мессир, – счёт!

Лица резко встала из своего кресла, и направилась к выходу.

Голицын последовал за ней.

Они вышли на улицу. В окнах домов отражался жёлтый свет, клонящегося к закату солнца. Между ними сидел на тротуаре кот, но он не смотрел на них, он напряжённо смотрел перед собой, в какую-то, одному ему известную точку.

Всё тело Лики было так же напряжено и наэлектризовано – это Голицын ощущал всем своим существом. И от этого, или оттого, что на улице было довольно прохладно, не смотря на то, что было лето, Голицына колотила крупная дрожь.

Но из ресторана вышел Мессир, и с порога сказал:

– Друзья мои, пора двигаться дальше!

И ОН указал стальным остриём своей трости направление их дальнейшего движения. Сталь острия тут же сверкнула золотым отражением солнечного заката, и спутники тронулись в путь.

Они сразу же свернули в какой-то переулок, потом ещё и ещё. Переулки были старыми, но эту их прелесть Голицын сейчас не замечал. Ему было не по себе, и он никак не мог справиться со своей дурацкой дрожью. Он только слышал стук её каблуков, мерно и вызывающе стучащих по асфальту.

– Так чем же закончилась твоя эпопея в станице? – поинтересовался Мессир у Лики, нарушив нервно-натянутое молчание.

– Дерьмом, – коротко ответила она.

– В каком смысле? – не понял ТОТ.

– В прямом, – снова коротко ответила она. Но потом стала расшифровывать. – Когда я зашла в их милицию за своими документами, и забрала их, и стала выходить оттуда, то старший сержант двинулся провожать меня. Но по улице, навстречу нам двигалась его жена, о чём он успел сообщить мне. Старший сержант остановился, а я пошла дальше. И как только, эта жена приблизилась к своему благоверному, из туалета, что стоял во дворе Отделения, вырвалось высокое искрящее пламя! А за ним, ударил фонтан дерьма, который залил всё здание милиции, старшего сержанта с его женой, весь двор, и лавой начал разливаться по улице. Народ амором стал разбегаться в разные стороны, чтобы не утонуть в этом дерьме. Такая вонь распространилась по всей округе, что не чем было дышать! Конечно же, я побежала прочь. У бабкиного дома меня ждала машина, присланная вами, капитан, я попрощалась с бабкой Олей, села в машину и уехала в Ростов. Вот, и вся моя эпопея.

– Ха, ха, ха, – сказал Мессир, и удовлетворённо стих.

И только теперь, Голицын понял, что они вышли на декоративную мостовую Старого Арбата, с его надуманными фонарями и праздно шатающимися толпами заезжих туристов.

И тут Голицын, мельком взглянув на Лику, спросил, глядя в кишачье людьми пространство:

– А где же наша Ангелина Владимировна?

И Голицын, не услышал – нет, а ощутил, как засопела в свои две дырки – Лица.

Но, выдержав паузу, ответил на вопрос Голицына Мессир:

– Наша Ангелина Владимировна – по особо важным заданиям работает.

– Жаль, – посетовал Голицын, – вот из неё бы – вышла действительно породистая белая классная лошадь.

– Да, – тут же отозвалась Лица, – но только декоративная – цирковая лошадь, с такими дурацкими перьями на голове, – и она развязно вызывающе захохотала своим скрипучим отрывистым смехом.

– Так, – сказал, остановившись, Князь тьмы, – здесь наши пути расходятся.

И вся компания остановила свой ход, и внимательно посмотрела на князя.

А тот продолжил свою вводную, глядя вдаль:

– Ты, Лица, пойдёшь туда, – указал ОН тростью, острие которой, уже отражало розовый цвет заходящего солнца, – упрёшься в кинотеатр, обойдёшь его слева, а дальше пойдёшь тем же путём, что и сюда – через Красную площадь, через мост и на яхту. Там встретит тебя Бэс. Кота возьмёшь на себя. Ступайте.

– Да, Пётр Григорьевич, – вспомнила о чём то Лика, и полезла в свою сумочку, – это ваши трусы? – и она вытащила из сумочки, завернутые в целлофан, мужские трусы. – Я нашла их у Зои, за печкой, – и она всучила ему в руки плоский пакет. – Пока, – сказала Лика Голицыну, и подставила ему щёчку для поцелуя.

– До свиданья, – сказал он ей, и поцеловал её в подставленную ему щёку.

Так, они распрощались у высоких колонн знаменитого Театра, и Лика, взяв кота себе на плечо, зашагала вдаль по Старому Арбату, размеренно чётко стуча острыми каблучками своих серебряных босоножек, по его декоративной мостовой.

Голицын же с Мессиром, какое-то время, смотрели ей вслед.

И тогда, увидел Голицын, как Лика снова превратилась в вороную кобылицу, гулко цокающую своими копытцами по Арбатской мостовой, и как бы, дразня Голицына, нарочито виляла своим грациозным лошадиным задом, игриво помахивая приподнятым хвостом. А на спине её восседал чёрный кот.

Бродящий по Арбату люд расступался перед ними, и подолгу, с удивлением, смотрел им вслед.

– Мы пойдём другим путём! – громко сказал Мессир, чем и оторвал своего спутника от щемяще-тоскливой картины – уходящей вдаль кобылицы.

Голицын быстро спрятал пакет во внутренний карман пиджака.

И они свернули в переулок, минуя знаменитый вышеупомянутый Театр, и его не менее знаменитое Училище, возле которого кучкавались юные создания. «Наверно абитуриенты „Щуки“» – подумал Голицын. И вспомнилось ему, как заходил он сюда с Любой, во время её экзаменационной сессии, и как увидел он – стоящего в вестибюле, и что-то, кому-то, объясняющего, интеллектуала белой кости – Евгения Рубеновича Симонова, с медальным профилем его матово-бледного лица. А потом увидел, тяжело поднимающуюся по лестнице училища – знаменитую красавицу-актрису, в которую были влюблены все мужчины Советского Союза когда-то, но теперь – совсем пожилую женщину – Людмилу Целиковскую. Бабушка-старушка поднялась по ступеням, и остановилась на лестничной площадке, чтобы перевести дыхание... И вспомнилось Голицыну сейчас, как будто это было вчера, как защемило тогда его сердце, при виде этой грустной картины, ужасающе реально говорящей – о безжалостно бегущем ВРЕМЕНИ.

Опомнился от своих воспоминаний Голицын, когда прошли они с Мессиром под аркой высотного здания, и вышли на шумный простор Нового Арбата, /или называйте его теперь, как хотите/.

Когда же они пошли по этому широченному проспекту, в ту же сторону, в какую Мессир отправил Лику, то Голицын не утерпел, и высказался:

– Мессир, мы же идём в ту самую сторону, куда вы отправили Лику.

– Ну, и что? – невозмутимо ответил тот риторическим вопросом.

– Ничего, – не менее риторически ответил ЕГО спутник.

– Ну, так и идите. Молча, – сказал, как отрезал, Мессир. – Потом, помолчав, спросил, – Вы наелись?

– Наелись, – грубо ответил тот.

– Вот и хорошо.

– Хорошего тут мало, – снова дерзил пассажир.

– Если сегодня – мало, значит, завтра – будет больше, – продолжал спокойно парировать грубые посылки своего спутника Мессир.

– Больше, ширше, глубже, – продолжал недовольно бурчать пассажир, стоящей на приколе, где-то у дома на Набережной, яхты. – Кстати, – спохватился он, – а почему вы не поставили яхту свою прямо под стенами Кремля?!

– Для чего?

– Для пушного эффекта!

– Я подумаю, – так же, в русле полного спокойствия, ответил Князь тьмы.

– Подумайте, – посоветовал пассажир. А потом вдруг, как бы о чём-то вспомнив, прибавил, – «Но учтите, пока вы будете думать, всё это! может сгореть».

– Что – это? – не понял Мессир.

– Всё – это, – уточнил тот, не уточняя.

Так, они шли, шли, и дошли до того самого Кинотеатра, который упоминал давеча Мессир, как ориентир для Лики.

И тут, в багровом цвете заката, Голицын увидел, повергнувшего его в трепетный страх, картину: на вороной кобыле, идущей спокойным ровным шагом, стоял на задних лапах кот, как цирковой трюкач-наездник, в полный свой рост, во фраке, бабочке и цилиндре. Передними же лапами – он бойко размахивал, как опытный оратор, и что-то вдохновенно орал, обращаясь к стоящей здесь, и проходящей мимо публике.

– Что это, Мессир?! – задавлено произнёс остолбеневший Голицын.

– Что? – прикинулся ТОТ, как будто ничего не видел вокруг.

– Мы так не договаривались, любезный капитан! – тихо вспыхнул пассажир.

– А мы с вами вообще не о чём ещё не договаривались, – строго сказал капитан, – идите за мной, и не останавливайтесь, – приказал ОН, и пошёл, спускаясь в подземный переход.

Голицыну ничего не оставалось делать, как следовать за НИМ. В гулком же переходе, он вдруг услышал слова исходящие от одной громко говорящей компании прохожих: «Да, это же кино сейчас снимают, по-Булгакову, „Мастер и Маргарита“. Там же – и кот, и чёрные кони, вспомни». Голицын посмотрел на впереди идущего Мессира, но тот шагал, как ни в чём не бывало, грациозно опираясь на свою стальную трость. И как будто, ничего не слыша, и не видя вокруг.

Они вышли из перехода на другую сторону, и вошли в улицу, удаляющуюся в сторону от проспекта. А Голицын всё оглядывался, и оглядывался назад и по сторонам.

– Вам знаком этот дом? – услышал он голос Мессира, и увидел, как тот, указывает тростью, как учитель указкой, на жёлтый дом слева. – В этом доме умирал Гоголь, – пояснял Князь тьмы Голицыну, как заправский экскурсовод.

– А вы похожи сейчас на Маяковского, шагающего по Москве, и возвышающегося над суетной толпой прохожих, как командор из пушкинского «Каменного гостя», – кричал ему вслед Голицын.

– А вы видели Маяковского? – спросил Мессир, не оглядываясь.

– Читал, но не видел, конечно.

– Увидите, – конкретно пообещал ему Князь тьмы.

Наступили те самые – обманчивые сумерки, когда можно спутать утро с вечером. И теперь, перейдя череду дорог, Голицын понял, что Князь тьмы повёл его по Тверскому бульвару.

– Уж не в «пенаты» ли вы меня ведёте? – спросил Голицын.

– В какие такие – «пенаты»? – не понял Мессир.

– В какие-в какие – в «Горьковские» – в Литинститут, – пояснил тот.

– И туда тоже, – просто подтвердил ОН.

– Зачем? – настороженно удивился Голицын

– Ну, так – повидаетесь, на халяву, как гофорят у фас.

– Спасибо, – сыграл раболепство Голицын.

– Идолопоклонствуете?! Ха, ха, ха, – сыграл, в свою очередь, некоего идола Мессир, захотав по-шалапински.

И с этим мексиканским смехом, ОН свернул на Малую Бронную улицу.

И тут, почему-то, Голицыну стало совсем не до шуток. Одно дело – читать начало булгаковского романа, или рисовать его зарождение красками на бумаге и безо всякой живой природы, но совсем другое – очутиться на том же месте, с сомнительным персонажем романа великого писателя, воочию.

Сумерки сгустились, и полосатый костюм Мессира цвета «электрик» засветился в этих сумерках, как неоновая рыбка. Нет, не ярко, а так – еле заметно. Но он явно светился.

И что ещё заметил Голицын, так, это то, что шаг Мессира, и шаги его самого – замедлились, и даже – стали тягучи. Может, Голицыну это и показалось, оттого, что ноги его цепенели, в каком-то, необъяснимом страхе.

Но когда они минули, одноименный с этой улицей, Театр, что стоял на той стороне её, костюм Князя погас, и стал просто чёрным в белую полосу.

А на город спустилась вечерняя тьма.

– Что за чертовщина?? – сказал Мессир, и остановился на углу, с которого открывался вид на «Патриаршие пруды».

И Голицын увидел, что ТО САМОЕ МЕСТО, на «Патриарших прудах», было ярко высвечено прожекторами, и было там довольно многолюдно.

– Вот теперь – правда – кино, – сказал, догадавшись – в чём тут дело, Голицын.

– Какое кино? – не понял Мессир.

– Кино снимают про ВАС, профессор Воланд! – вызывающе воскликнул осмелевший спутник знаменитого профессора.

– М-м-м, – догадливо промычал тот, – ну, ничего, сейчас мы быстренько всё устроим.

– Я вас умоляю, ничего не надо устраивать, – тихо взмолился, перепугавшийся снова Голицын.

– Нет, – не согласился с ним Князь тьмы, – я наметил здесь наш перекур, в тиши у вечернего пруда.

И только он это произнёс, как на той стороне, у пруда, стали взрываться лампочки, и несколько прожекторов погасло.

Мессир же, поднял вверх свою трость, раздался хлопок, и над спутниками раскрылся купол профессорского зонта.

– Зачем вы открыли зонт?? – испуганно насторожился Голицын.

– Сейчас пойдёт дождь, – делово ответил Мессир.

– Откуда дождь? – возмутился тот, – ведро стояло.

– Тучка, – ласково ответил Князь тьмы, – случайная тучка залетела, и именно сюда – на «Патриаршие пруды».

И пошёл дождь.

И люди, под прожекторами, засуетились. Оттуда послышались какие-то команды, выкрики. Погасли прожектора. Загремело и зазвякало грузимое в машины железо. Запахтели автобусы, заурчали машины, включив свои фары. И всё разъехалось, и все разошлись. И стало тихо, как того и желал князь. И только шумел дождь, стуча по куполу зонта.

– Ну, а нам-то теперь, зачем этот дождь? – недовольно пробурчал Голицын.

– А он сейчас побрызжет, и перестанет, – опять же, ласково сказал Князь тьмы. – Пойдёмте.

И пока они переходили узенькую улочку, и подходили к заветной скамейке, у пруда, дождь перестал идти.

– Вот, видите – даже скамейки не успели намокнуть, – сказал Мессир, закрыв свой зонт. – Присаживайтесь, маэстро, – предложил ОН своему спутнику, и САМ тут же уселся на СВОЮ ЗАВЕТНУЮ СКАМЬЮ. – Ах, какая прелесть, – широко произнёс ОН, распахнув свои руки, как крылья.

Голицын же стоял как неприкаянный, как бедный родственник, которому не было места на этой скамейке.

– Ну, что же вы стоите, маэстро? – недоуменно произнёс Мессир.

– Да мне как-то... Я как-то... Мне как-то неловко – не дали людям работать, – мямлил Голицын.

– Ничего, ещё успеют, – успокаивал его князь, – ещё посмотрим, что у них за кино там получится. А пока – садитесь, в ногах правды нет, как у вас говорят.

И Мессир, видимо поняв, в чём дело, поменял свою позу на более скромную, и заговорчески сказал:

– Мы сейчас с вами выпьем по маленькой, – и, оставив свою трость в покое, прислонив её к скамейке, он достал из внутреннего кармана пиджака плоскую железную флягу, и поболтал ею у себя под ухом. – Я знаю – вы любите в московском одиночестве, вот так вот, поздним вечером, купив бутылочку вина, сидеть в каком-нибудь сквере, и попивать это вино, утешаясь своими мыслями, и наслаждаясь таким одиночеством. Присаживайтесь же, друг мой, – снова пригласил ОН своего спутника.

И Голицын молча принял это приглашение, и сел на скамью, рядом с Мессиром, но всё же сохраняя некоторую безопасную для себя дистанцию.

Князь открыл крышечку, и протянул флягу своему спутнику.

– Грейтесь, маэстро, – душевно произнёс ОН.

– Спасибо, – с некоторой недоверчивостью поблагодарил тот, и взялся за холодное железо фляги. – А что это? – на всякий случай поинтересовался угощаемый.

– Хороший коньяк...

– С хорошим ликёром, – досказал догадливый собеседник.

– Да, – подтвердил Мессир

– Ну, а всё же, что за коньяк? Вы можете сказать?

– Да, «Армянский», «Армянский» – «пять звёздочек». Пейте, – торопил угощающий.

Голицын понюхал содержимое, поднеся флягу к своему носу.

– А ликер, какой? – снова поинтересовался он.

– «Лимонный» – убеждающе сказал Князь, и снял свои очки, и спрятал их во внутренний карман пиджака. – Пейте.

– Знаю этот ликёр, – улыбнулся Голицын. – Мы этим ликёром – заглянцовывали выпитый до того шумряк, когда я работал в ТЮЗе. Чтобы не было амбре, – пояснил он. – Нас этому научил актёр Днепропетровской «драмы» – Коля Калинин, когда мы были там на гастролях. Это был где-то 77ой или 78ой год. Пили мы там, почему-то, почёрному.

– Да, пейте же вы! – не выдержал его светлых воспоминаний Мессир.

И тогда Голицын приложился губами к фляге, и стал пить из неё. Отпив же несколько глотков, он несколько скривился, и тут же получил из рук Князя – сигару, и, понюхав её, сказал:

– А-а-а, хорошо.

Мессир взял у него флягу, и, наконец, отпил из неё своих несколько глотков. И тоже понюхал, вытасченную для себя, сигару. Потом ОН, взяв сигару в зубы, закрутил флягу крышкой, и положил её рядом с собой, на скамейку. Затем, ОН звякнул, блеснувшей золотом, зажигалкой, и дал прикурить от неё своему спутнику, и сам прикурил.

Так они сидели и молча курили, ловя тихий кайф.

– А у вас есть в своём городе – любимые места? – с лирической задумчивостью спросил Князь тьмы.

– Какие – любимые места? – не понял Голицын.

– Ну, греющие вашу душу, какими-то тёплыми воспоминаниями, и куда бы вам хотелось придти, время от времени? – пояснил ТОТ свой вопрос.

– Нет, – немного подумав, ответил Голицын.

– А у меня вот – есть, – гордо произнёс ОН, указав широким жестом руки на всю округу лежащую перед ними, – благодаря маэстро Булгакову, – задушевно прибавил Мессир, и глубоко вздохнул.

– А «нехорошая» квартира №50, на Садовой, для вас такое же! место? – поинтересовался Голицын.

– Нет. Туда я не хожу, – коротко, и как отрезал, ответил ТОТ.

– Бросили на произвол судьбы? – поддел его Голицын.

– Нет. Туда Коровьев иногда навевывается, – ответил ОН, не отрываясь от своих радужных мыслей.

– А-а-а, – понимающе протянул ЕГО собеседник. – А как там Аззелло?

– О! – воскликнул Мессир, – у него сейчас много работы.

– Какой работы? – насторожился Голицын.

– За временем надо поспевать. Он же у нас парфюмер, – сказал это князь, и замолчал.

– Ну? – не понял собеседник.

– Баранки гну! – весело ответил Князь тьмы, и так же весело захохотал, видимо, обрадовавшись своему удачному весёлому ответу.

– А всё-таки? – тоже посмеиваясь, но, ожидая ответа, сказал Голицын.

– Ну, сейчас же все помешаны на пластических операциях, например. А это тоже его сфера. Надо вникать. Ну, и так далее, и тому подобное, – скучно завывая, объяснял ОН дела своего парфюмера.

Всё это время, Голицын смотрел на Мессира. Но поскольку тот, перед питьём, снял свои зеркальные очки, а лицо его было затенено широкими полями шляпы, то Голицын видел только чёрную воронку на месте лица Мессира.

И вот, в этой чёрной воронке, вдруг ярко засверкал глаз князя!

И всё пространство над прудом и около, и сам пруд – всё засветилось жёлто-оранжевым светом. И всё это жарко пылающее пространство, было ограничено сферой огромного шара. От пруда пошло испарение. И в нагретом колышущемся воздухе, отражаясь в жёлто-оранжевом зеркале водной глади, стали возникать неясные контуры создателя «Мастера» и его героев. Был тут и Коровьев, в своём треснувшем пенсне, вытянувшийся во всю длину диаметра шара; и Аззелло со своим торчащим изо рта клыком. И наглая морда Бегемота, и едущий по рельсам трамвай, и Та, во имя которой всё это творилось Им. А может, это была Маргарита. Кто знает?

Разжижаясь в нагретом воздухе, ОНИ улыбались, подмигивали, и, казалось, приплясывали.

Голицыну стало невыносимо жарко.

Но вот шар, с невыносимой жарой, стал уменьшаться. Он становился всё меньше и меньше, пока, наконец, не стал совсем маленьким, как теннисный мячик. И в таком виде – он нырнул в пруд, и утонул там. Раздалось лёгкое короткое шипение водной глади, от места того порхнул белый дымок, разошлись небольшие круги по воде, и всё стихло, и замерло.

– Ну, как? Узнали свою картинку? – прозвучал сочный баритон Мессира.

Голицын же молча отпускал свой галстук, вертя головой, и спасая горло от удушья.

– Нет, Мессир, вы ни на минуту не даёте расслабиться, – посетовал Голицын, – это какой-то кошмар.

– Разве это кошмар?! Вот, до войны – был кошмар! – пошутил Князь тьмы, подражая голосу и интонациям боцмана Дули. И сам же этому засмеялся.

Вечерняя Москва зажгла свои огни. Засветились окна домов. От пруда, наконец-то, пахло влажной свежестью.

– Пора, – сказал Мессир.

ОН надел очки, взял трость, и поднялся со скамейки.

– А флягу? – напомнил ему Голицын.

– Пусть лежит здесь, – повелительным тоном произнёс Мессир, – может, какому-то горемыке срочная помощь потребуется.

И изящно работая тростью, ОН зашагал обратно по Малой Бронной.

Голицын следовал за НИМ.

Из дверей Театра выходила публика.

«Не успело стемнеть, и спектакль кончился, – подумал Голицын, – что значит – лето».

Спутники дошли до Тверского бульвара, и свернули налево.

– Так, значит, помогаете жаждущим с похмелья горемыкам? – задал неожиданный, для князя вопрос, Голицын.

– А что же здесь такого? – не понял шагающий вперёд князь.

– Да вспомнился мне один тяжёлый случай, из моей далёкой практики.

Князь тьмы молчал.

Тогда Голицын продолжил:

– Как-то, по утру, мне было очень плохо. Внутри и снаружи всё дрожало. Я кое-как оделся, и отправился к ребятам на хату, потому что, у меня денег не было ни копейки. Шёл я, шёл. Дошёл до широкого нашего проспекта Будённого. Спустился до трамвайной линии, на Текучёва. Оставалось меньше пол пути. Но чувствую – не дойду, умру. Повернул назад, пошёл обратно. Умру – так дома, подумал я. Иду. И вдруг вижу – передо мной, на асфальте лежит новенькая пятирублёвая бумажка. Подул лёгкий ветерок, который стал осторожно медленно подвигать к моим ногам эту пятёрку. Я огляделся вокруг, но на этом отрезке, обычно людного проспекта, не было ни души. Как будто всех ветром сдуло. Тогда я нагнулся, и поднял эту новенькую гладкую пятёрку.

– Ну и что? – поинтересовался князь, у замолчавшего спутника своего.

– Что. Зашёл в кафе под названием «Бригантина», взял сто граммов коньяка, потому что другого ничего не было тогда, и таким образом – выжил, в тот раз.

– Понимаю, – отозвался князь, – вы хотите спросить – не я ли вам подбросил пять рублей.

Скажу честно – не я.

– Да?

– Да.

– А было пасмурно.

– Ну и что?

– Ничего.

На пути их встретились рекламные и подъездные огни ещё одного Театра, где тоже завершился театральная разъезд.

– Театр имени Пушкина – бывший «театр Таирова» – со знанием дела воскликнул Голицын.

Мессир же на это никак не отреагировал.

Спутники прошли сквозь рассеянную толпу публики, и поравнялись с дворовой оградой Литинститута.

– Ну, что, – сказал, останавливаясь Мессир, – будете заходить в свои «пенаты»?

– А что уж туда заходить? – сказал, остановив свой ход, Голицын. – Это вам не театральный ВУЗ, здесь все окна уже погашены, – он подошёл к калитке, попробовал открыть её. – Вот, точно в такой же час я приехал сюда в первый раз – думал, что здесь меня будут ждать, но калитка, вот точно так же, была заперта, и мне пришлось ночевать на деревянных ступеньках, одного из залов Казанского вокзала.

Мессир подошёл к калитке, легко открыл её, и вошёл в уютный, тускло освещённый дворик Литинститута имени Максима Горького.

Голицын осторожно последовал за НИМ.

– Значит, вы его так и не закончили, – утвердительно сказал Мессир Голицыну.

– Да, восемь лет промурыжился, да так и не закончил. Терпения не хватило. А если честно, то не по себе как-то стало, устал. Приезжаешь с сессии домой, и забываешь напрочь про эту учёбу. А потом опять сессия, как снег на голову. И едешь сюда, ни черта не зная, и выкручиваешься перед преподавателями, как школьник. А школу, надо вам сказать, я ненавидел всеми фибрами своей души. Нет, я хорошо вспоминаю свою первую учительницу – Полину Тимофеевну – седую, как в той песне, и строгую. Но у меня со школой ничего не получалось. На «чистописании» я писал грязно и жутким почерком. С цифрами и формулами я вообще был не в ладах. Я был тихий мальчик, я учился в двух школах, но всюду меня ругали за неуспеваемость, вызывали без конца мать, и она била меня ремнём и руками – по заднице, по морде, и, даже, по голове, что считалось, в общем – нехорошо. Пока её и вовсе не попросили – тихо забрать меня из школы, не допустив к экзаменам за восьмой класс. Да и литература, тоже... Когда я слышу выражение: «я спал в детстве, как и многие, у домашней библиотеки», то – я спал у кровати матери с отцом, впрочем, как потом – и дочь моя спала, – говорил Голицын, идя за Мессиром по дорожке, к главному старинному зданию института. – Так вот, здесь, – продолжил он, – я впервые услышал фразу, обращённую ко мне, которая меня необыкновенно обрадовала, но и повергла в шок.

– Это интересно, – отозвался, наконец, Мессир, – что же это за фраза такая?

– А-а-а, – загадочно протянул Голицын, – я то, после двух школ, учился потом в ПТУ, а, работая на «Ростсельмаше», ходил в «Вечернюю школу». Потом я закончил «Училище искусств», где меня снова мучили математикой, и мучила, между прочим, мать знаменитого на мировом театре режиссёра-отшельника, что вдвойне обидно. Так вот, после всех этих учёб, здесь – в Литинституте, я первую же свою сессию вынужден был сдавать экстерном, чтобы ехать за своим Театром – на гастроли в Ленинград. И вот, сижу я в «преподавательской», у письменного стола, а передо мной – педагог, молодой мужчина, с усиками и бородкой. И он смотрит на меня и говорит: «Да вы не волнуйтесь, вот, я ставлю в вашу зачётку зачёт, а теперь давайте с вами рассуждать». И я понял, что до этого – я учился в одной сплошной КАЗАРМЕ. Этого преподавателя звали – Костя Кедров. Его отчества, я к своему стыду, не помню. Но за ним всегда ходили толпы студентов, и слушать его было – одно удовольствие. Застенчиво улыбаясь, он открывал нам, уже немолодым советским студентам, новый мир. Потом, уже в «Пост перестроечный» период, я с ужасом и удивлением, услышал по телевизору, что его уволили из Литинститута. «Да, подумал тогда я, значит, снова страна пошла по «особому» своему пути. И даже по более «особому», чем при Советской власти, при которой Костя Кедров – всё же преподавал. Были в институте и другие прекрасные люди, конечно, и не мало. Вот, потому-то, наверное, мне и стало, в конце концов, неловко перед ними за свою вечную неподготовленность к экзаменам. И я устал от этих предэкзаменационных лихорадок. Да и Диплом, мне был, в сущности, не нужен. Я видел, как там потели студенты, работающие в газетах, или журналах – им необходима была эта бумага, для карьерного роста. А мне – куда было карабкаться? Мне – некуда. Вот и всё.

Спутники уже шли от здания, по дорожке, ведущей в заросли маленького палисадника.

– А это кто? – спросил Мессир, указывая тростью на тёмный силуэт небольшой скульптуры.

– Это Герцен, если я правильно помню, – сказал в ответ Голицын. – Это же здание так и называют – домом Герцена, если я не ошибаюсь. Нет, я что-то путаюсь.

– Герцен – это тот, которого разбудили «декабристы», по высказыванию некоторых товарищей?

– Да, – не вникая в сказанное Мессиром, ответил Голицын. – Но первым, кто открыл мне глаза на мою страну, был режиссёр Ростовского телевидения – Сергей Иванович Пожарский. Это было ещё до моей службы в Армии, когда я учился на первом курсе театрального отделения. Он высмотрел меня для исполнения главной роли в телеспектакле «Альфа Цен-

тавра». Он со мной много беседовал, и в этих беседах, ненароком, он заставил меня критически посмотреть на окружающую жизнь. Правда, до него был ещё мой первый педагог по Мастерству актёра – Герман Михайлович Гуровский, которого через пол года, к сожалению, «скупали», как говорят у нас, но который, сурово глядя сквозь стёкла своих очков, в тонкой едва заметной оправе, успел привить нам вкус к настоящей литературе, заставляя читать, например: «Новый мир», Тендрякова, Юрия Трифонова и так далее, и тому подобное. Так вот, после всех этих бесед и чтений – меня точно обухом по голове ударили – и я понял, что меня, до этого, обволакивали совершенно другим видением «прекрасной» жизни, не имеющей почти ничего общего с реальностью.

Не-ет, я не стал диссидентом, нет. Потом была женитьба, Армия, и всё как-то потеряло свою былую остроту, и легло на какой-то там полочке моей памяти. Но что особенно запомнилось мне из того времени, так это роман Джека Лондона «Мартин Иден». Его посоветовал мне – тот самый Пожарский. Дело в том, что заканчивал я читать этот роман, сидя на скамеечке городского парка, на крайней, к центральной улице, аллее. И когда я прочитал, как тонул в огромном океане – этот человек, этот человечество, который был в моих глазах больше, чем этот бескрайний океан, я закрыл книгу, и посмотрел на кишашую людьми улицу, то эта улица, этот город и эти, суetyающиеся в нём люди – всё показалось мне мелким, ничтожным и тусклым.

– А я вижу – вы разговорились, после моего коньяка, – заметил Мессир своему собеседнику, двигаясь к выходу, – как тогда на яхте, когда мы проходили шлюзы Волго-Донского канала имени В.И.Ленина, – прибавил ОН, выходя из калитки. – Прошу, – сказал Мессир бывшему студенту, указывая на выход.

Тот вышел, и Мессир закрыл за собой калитку.

– А вы, Князь, не путайте – тот мой разговор с этим, – погрозил пальчиком Голицын, – тот мой разговор – какой надо был разговор.

– Я ничего и никого не путаю, – отбивался от его претензий Мессир.

Они продолжили путь по Тверскому бульвару, и перешли в сквер, что напротив «Макдоналдса».

И тут Голицына одолел напряг. Он стал исключительно серьёзен. Он вдруг сжал кулаки, и по-бычьему опустив голову, смотрел в землю.

Так они вышли на простор Пушкинской площади, где через Тверскую улицу – стоял напротив них – великий памятник великому поэту, который задумчиво-угрюмо смотрел на проходящую мимо него – столичную жизнь, и видно было по всему, как упрямо вертятся тяжёлые жернова его потаённых мыслей.

Мессир остановился, и Голицын, наконец, медленно поднял свою голову, и увидел, что у памятника Пушкину, совсем мало людей, не так как бывало прежде. Но зато – поток автомобилей был сумасшедший.

– Ну, чего мы стали здесь?! – зло зашипел он на Мессира, и лицо его налилось кровью.

– Я немного думаю, – ответил тот ломаным акцентом, и вертя головой по сторонам.

И всё же, Голицын не утерпел, и посмотрел на чуждое и незнакомое его глазу, здание, что стояло там – на противоположном углу, на месте бывшего здания бывшего Всесоюзного Театрального Общества и Центрального Дома актёра, с рестораном внизу, за зашторенными окнами которого, в темноте вечера, в те времена, таилась какая-то не ресторанный тайна. Здесь была тогда неповторимая атмосфера. Здесь была душа, и была жизнь «ВО ИМЯ». Теперь же, не смотря «НА» – всё было пусто. И веяло холодом.

– Так вот, Князь, – так же зло и медленно заговорил Голицын, – когда я в первый раз попал в это здание, а бывал я здесь всего-то пару, тройку раз. И поднимался по ступеням его наверх, то сразу отметил для себя, почему-то, что лестничные пролёты здесь, туда и сюда – настолько глухо отделены от всего остального помещения, что даже очень удиви-

тельно! И вдруг я слышу, что пожар пошёл именно от лестницы, где лежали какие-то коробки. «Чушь!», – сразу же подумал я. А, Князь?! Чушь?! – наступал он на Мессира.

– Так, нам туда, – как ни в чём не бывало, сказал тот, и указал тростью вправо.

И в это самое время, вдруг раздался пронзительно-длинный турчок постового милиционера, сделавшего точно тот же жест жезлом, что и Мессир тростью. Автомобили завизжали своими резко затормозившими колёсами, и Князь тьмы двинулся через череду улиц, в сторону Красной площади.

– Что же вы молчите, князь?! – разгорячённо кричал Голицын, широко шагая вслед за НИМ. – Признайтесь, что это было не без вашего участия, князь! Признайтесь, Кня-а-азь!! – истошно кричал Голицын.

– Да! Да! – наконец стал отвечать ТОТ, продолжая своё неукротимое движение вперёд. – Это был сигнал! на который я ждал реакцию! Но никто, «ни одна лялечка!», как выражаетесь вы, «и не почухалась»! И это стало – НАЧАЛОМ!

– Я так и знал! Так и знал! – кричал Голицын, останавливаясь, и стуча кулаками по полуогнутым коленям своим.

Потом он снова догонял Мессира, и снова кричал:

– Вот здесь, я тогда, в холодной, голодной Москве, жрал на улице сардельки, запивая их горячим суррогатом, называемым чаем! Вот здесь – прямо напротив Главпочтамта, если написать букву «х» на перекрёстке! А там – уже стояло, зияющее чёрной пропастью окон, обугленное здание! Я так и знал! – снова и снова повторял он, горестно кручинясь головой своею. – А вы знаете, что мне вдруг вспомнилось, когда я жевал эти жуткие сардельки, заплатив за них невероятную для них цену, и наблюдая – за рыскающими себе пропитания – москвичами и гостями столицы?! Мне вспомнилось, как я, шестнадцатилетний мальчишка, махал кувалдой на заводе «Ростсельмаш», рихтуя «лыжу», которая больше похожа на конные сани! И как каждый месяц – приходила нормировщица, с секундомером в руке, после чего моё махание становилось всё дешевле и дешевле. А моему мастеру приходилось – всё приписывать и приписывать, а иначе – кто ж у него махать-то будет. И это было сплошь и рядом! А потом, когда я ездил с концертами, на отдалённые зимовки животноводов верхнего Дона – я там сталкивался с тем же самым, и как сказал мне один заведующий фермой, в Вёшенском районе, с которым встречались мы уже не впервой: «Всё брешем и брешем, а что завтра-то жрать будем??». Но мы же все чудаки – верили в чудо, что есть всё-таки некие «ЗАКРОМА РОДИНЫ», и они-то нас накормят! Но теперь, никто не хотел признаться самому себе в том, что знал – когда-нибудь вся эта брехня плохо кончится.

– А вы-то сами, давали себе отчёт в этом?! – громогласно спрашивал Мессир, шагая через всё огромное пространство площади, открывшейся перед ними, наискось, мимо сгоревшего «Манежа» и ещё не разрушенной гостиницы «Москва», прямо по направлению к «дому Радищева», почему-то.

И Голицын вдруг с ужасом увидел перед собой картину – дорожно-транспортного кавардака, устроенного Мессиром, но всё же продолжал двигаться за НИМ, задыхаясь от встречного воздуха, нахлынувших прежде чувств и новых острых ощущений!

Стоявший здесь – постовой милиционер, не турчал в свой свисток, и не ругался. Он отдавал честь Князю тьмы, не обращая никакого внимания на застывшую вокруг него громаду автомобильной пробищи.

Куча же, стоявших в нетерпении своём, автомобилей – загудела, заулюлюкала, и загавкала своими сигналами и сиренами, и сверкая своими спецмигалками.

А Мессир всё шагал, и шагал вперёд, изящно работая своей красно-чёрной тростью, освещённый со всех сторон автомобильными фарами, со зла – бьющими дальним светом, по импровизированной дорожке, которую никто не смел загородить. Он только слегка приподнял шляпу, как Главнокомандующий, отвечающий на приветственное ликование своей армии.

– На ваш вопрос, князь, я лучше отвечу, как я стал невольным свидетелем, падения стрелки барометра, указывающей на истощение этих самых «ЗАКРОМОВ», – продолжил начатую давеча тему Голицын, с трудом поспевающий, за широко шагающим Мессиром.

– Это интересно, – бросил ему через плечо, не замедляющий шага Мессир.

– Да! Дело в том, что в те времена, у нас были в основном «КИТАЙСКИЕ ХАЛТУРЫ».

– Как это?? – не понял, хохотнув Мессир.

– Ну, бесплатные концерты, – пояснил Голицын. – Так вот, в конце 60-х – нас ездило на село большое количество разнообразных Художественных коллективов, по поводу всевозможных праздников. И там встречали нас полными столами, ломящимися от мёдов, масла, мяса, птицы, молока и водки! За столом бывало много колхозников, и начальство хвалилось перед нами – собранным урожаем, надоями, убоями и прочими их трудовыми достижениями! В начале же 70-х – я уже ездил с Эстрадным оркестром, в котором было несколько солистов, и угощали так же хорошо, но за столом с их стороны было только начальство и их особо приближённые лица. Похвалялось же начальство, в разговоре между собой, о том, в каких санаториях им довелось отдыхать в прошлый сезон, и куда они собираются в новый отпускной сезон. Об урожаях и надоях только вскользь, и то если мы спросим, из уважения. В середине же 70-х, кормили нас с оркестром, только в столовой – обычным обедом, но с водкой, правда, в очень ограниченном количестве. Тему о победах в битве за урожай, старались обходить стороной. В конце 70-х – водку мы брали уже с собой. А в 80-ом году, в феврале месяце меня стали посылать с уже серьёзным «Агитпоездом», в сопровождении машин ГАИ, где в веренице автобусов, находились не только артисты, но и врачи – от хирургов до стоматологов; продавцы с автолавками; представители Госкооперации и т. д. и т. п. Приезжали мы в районы верхнего Дона, и там рассредоточивались по своим точкам. Ели рано утром в какой-нибудь столовой районного центра и ехал я с малочисленным Ансамблем русских народных инструментов, из «Дунькиного клуба», в далёкие замёрзшие и занесённые снегом степи. Там, на одной из ферм мы и давали наш концерт, на который собиралось от пяти до десяти человек, тех самых зимующих животноводов. Поили тогда водкой только в Вёшенском районе, почему-то. И это – было похоже на чудо! В этой самой замёрзшей степи, из автобуса отзывал представитель Райкома – руководителя нашей группы, замечательного поэта и добродушнейшего человека Николая Михайловича Скрёбова и Вашего покорного слугу. Заводил нас тот представитель, в какой-то магазинчик, а может, это был просто сарайчик, и там, на стоящей большой бочке, наливали в стаканы водку, и подавала хозяйшка огромные солёные огурцы, на закуску. Пили молча, и ни о чём существенном не разговаривая. Тёмным вечером возвращались в саму Вёшенскую, в гостиницу, с удобствами во дворе. Но мне в гостиницу зайти не давали, а сразу вели меня в Райком партии, где дожидался анекдотов от меня, Секретарь по идеологии. Там было небольшое угощение от них и анекдоты от меня – больше никаких разговоров не велось, разве что чуть-чуть – о неважном здоровье Шолохова. Кстати, в следующую поездку, когда мы ранним утром приехали в соседний с Вёшенским – Боковский район, и, зайдя в Райком, увидели переполошившихся его руководителей, которые сообщили нам о смерти

Шолохова, то самым жутким во всём этом – было то, что не сама смерть великого писателя и их земляка потрясла их, а то, что он был кандидатом в депутаты Верховного Совета. И теперь, надо было согласовывать какие-то новые бумажки с Обкомом, а тому – с Москвой! И самый последний гвоздь в этот гроб забил один из их Секретарей, вышедший, этим самым утром, на сцену ДК, перед приехавшими участниками «Агитпоезда», и сказавший так: «Мы рады вашему приезду в нашу станицу». Потом он замолчал, подумал, и сказал: «Как-то неудобно это – станица. Я думаю, что надо говорить – город. А наши станицы и хутора переименовать в сёла, как везде. Как вы считаете?» – обратился он к залу. Но зал никак не откликнулся – в зале было гробовое молчание. Тем более что большинство присутствующих было

с большого будуна, холодных дорог «зимовки», и ровным счётом ничего и никак не воспринимало.

И Мессир вдруг расхохотался своим громовым смехом.

А Голицын, сказал, перебивая ЕГО смех:

– Так вот, уважаемый Мессир, когда кто-то говорит о крестьянах, что «хоть они и не шибко грамотны, но в их глазах есть нечто такое, чего знают только они и никто больше». То я ВАМ скажу – это «нечто» – есть то, что они сами! находятся в этих пресловутых «ЗАКРОМАХ», и знают – сколько там и чего есть на самом деле, и при каких условиях там будет прибывать, а при каких – убывать. Вот так и смотрят две всё знающие стороны друг на друга: знающее все цифры – ПРАВИТЕЛЬСТВО и знающие действительное положение дел – КРЕСТЬЯНЕ. А мы – остальные, стоим между ними, и пытаемся разгадать их молчаливо-хитрые взгляды.

– А вы любите демонстрации?! – вдруг весело спросил Князь тьмы.

– Какие демонстрации? – не понял Голицын.

– Демонстрации трудящихся! Когда там они у вас были? 1-го мая, 7-го ноября.

– О да! – радостно воскликнул ЕГО собеседник. – Я с детства любил демонстрации. По 35 линии поднимались колонны завода «Красный Аксай», и поворачивали по нашей «2-ой Комсомольской» улице. На углу, какая-нибудь бабка продавала воздушные шары и красные флажки. Празднично нарядные мать и отец, высматривали свои цеха, а мне, тоже одетому в какую-нибудь праздничную обнову, а иногда и в целый новый костюм, давали денежку, и я покупал несколько шаров и флажок. Потом мы пристраивались к колонне демонстрантов, и шли к Театральной площади. Было много музыки, все пели и плясали. Был настоящий праздник! Потом я уже сам ходил со своим «сварочным участком» в колоннах «Ростсельмаша», на демонстрацию. До сих пор помню лица наших мужиков и улыбающееся лицо мастера Ивана, которые орали во всё горло песню: «Маруся, раз, два, три! Калина, чернявая дивчина в саду ягоды рвала!» А на Театральной площади мы кричали громкое «ура!», на призывы громкоговорителей. Потом, учась, в Училище искусств, я сам уже сидел на вершине гусеницы Театра-трактора, и выкрикивал в микрофон призывы, читаемые с печатного листа, а за спиной стояли люди в штатском. Со временем, правда, этот праздник померк. В душе моей померк. От чего и почему? – Не знаю.

Таким образом, спутники вышли на Красную площадь, где, почему-то, было многолюдно. Особенно в той стороне, где стоял мавзолей.

Голицын посмотрел на часы, что на Спасской башне – «нет, смена караула уже прошла», – подумал он. «Да и какая ж теперь смена у мавзолея?» И тогда, Голицын с ужасом увидел, что на мавзолее стоит их кот, во весь свой полный рост, и что-то вещает, перед собравшейся публикой.

– Мессир! – закричал Голицын, уже не обращая внимания на окружающих, – что он делает, подлец?!

– Кто? – откликнулся Мессир.

– Кто, кто! – ваш кот, в пальто!! – истошно прокричал Голицын.

– А ну-ка, – спокойно сказал князь, и стал подходить поближе к тому месту, где столпился народ.

Голицын же, с волнением в груди, стал искать глазами вороную кобылицу.

– Её здесь нет, не ищите, – пробросил свою реплику князь, в сторону своего спутника.

– А где же она?

– Уже на яхте.

И тогда, Голицын стал прислушиваться, к митингующему с мавзолея, коту.

– Кто?! – орал захлёбываясь кот, – кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море?! Это – они-и! – банда неучей, совершившая переворот в семнадцатом году, учат нас тому! Чушь! Несуветная чушь, говорю я вам!

Публика ликовала.

А кот продолжал:

– Конечно же – Волга впадает в Каспийское море! И это знает любой ребёнок! Но она впадает туда совсем иначе, а не так, как учат нас они! Мы-то это, с вами знаем, господа, как никто. Верно я говорю?!!

– Ве-ерно-а-а! – неистово орала публика.

– Так что, пора переделать эти контурные карты! Говорю я!

– Ура-а!! – скандировала публика.

– Но мы на это твёрдо скажем, товарищи, этим господам – «не позволим!». Не позволим переделывать вам общепринятые всем миром – контурные карты!

Публика была в восторге.

– Наша Волга будет течь только своим! Нашим! Особым, никому неизвестным, путём!

Толпа взорвалась новым одобрителем ором.

Голицын же, с удивлённо выпученными глазами, повернулся к Мессире, и сказал:

– Он же говорит белиберду.

– Как и все у вас, которые добираются до высоких трибун, – спокойно согласился с Голицыным Князь тьмы.

– Но он же противоречит сам себе! – не унимался Голицын.

– Вы совершенно правы, – успокаивал его Мессир, – но народу же – нравится.

– Судя по возгласам и по лицам – да, – с удивлением констатировал Голицын.

– Что и требовалось доказать, – поставил точку в их разговоре Мессир. – Пойдёмте, нам пора.

Голицын пожал плечами, тяжело вздохнул, и поплёлся вслед за Мессиром.

Когда же спутники застучали каблуками по булыжнику Васильевского спуска, Голицын грустно отметил вслух:

– Да, выпаривается прорабская Москва, выпаривается.

– Что значит – выпаривается? – машинально спросил Мессир, увлечённый своими мыслями.

– Душа её улетучивается, – с грустью произнёс Голицын, – вам это не понять, а я чувствую.

И он снова замолчал.

– Маэстро, – вдруг громко обратился Мессир к своему спутнику, когда они шли по мосту через Москву-реку, – а вы действительно поставили Горького «На дне», в этом психушном «боксе-отстойнике», да ещё – в «День смеха»?!

– Ну, во-первых – не спектакль, а сцену. А во-вторых – это я придумал для пьесы, – скучно, но, улыбаясь, ответил Голицын.

– Я так и подумал, – кричал Мессир, – как можно было творить театральное действие, под жутким прессингом психотропных таблеток и уколов?! А откуда вы взяли женщину на роль Насти, среди чисто мужской компании?! – не унимался Мессир.

– Лизку, что ли?

– Да. Или вы её внаглую придумали – с потолка?!

– Нет, женщина была, – успокоил его Голицын. – На месте четвёртой палаты, действительно когда-то было женское отделение. И вот, однажды вечером, по окнам выходящим на улицу, стали бить палкой со всего маху. Зазвенели стёкла, и раздался голос молодой женщины, кричащей проклятия, адресованные этому «боксу». Потом уже, главврач рассказал нам, что это была бывшая пациентка их больницы, и что её поймали, и что она была пьяная. Но я её так и не видел, к сожалению, окна-то с нашей стороны забиты были фанерой.

– Значит, кукушка – всё же пролетала?! – весело спросил Князь.

– Если вы имеете в виду заморскую «Кукушку», то она над тем «гнездом» и близко не пролетала – она бы там и исдохла бедолага.

И довольный ответом Мессир, захохотал своим громовым смехом!

Но Голицын, грустно продолжил эту тему:

– Вы думаете – после «психушки» меня оставили в покое? Я тоже так думал, но я глубоко ошибался. Это целая корпорация. И у неё свои монопольные интересы. Мою фамилию и все остальные данные передали в районный «Наркологический кабинет», мне стали присылать повестки, как в «Военкомат» или в «Отделение милиции», да они и связаны были с милицией. Короче, я вынужден был ходить туда отмечаться, и даже, снова делать уколы, по их настоянию. А я, от этой полицейщины, начал пить ещё страшней – в одиночку. Я замкнулся в себе – полностью. Жуть. Как вспомню – так не дай Бог! Постановки желанных спектаклей, конечно, спасали. Но потом, всё это рухнуло, вместе с Советской властью, слава Богу.

Мессир молчал. ОН шагал вперёд, вдохновенно погружённый в какие-то свои мысли.

А Голицын прибавил к сказанному:

– Сейчас слышу – корпорация сия опять хочет «осчастливить» собою несчастное человечество. Ну-ну, – непонятно закончил он свою горестную мысль.

А когда они уже подходили к яхте, Голицын сказал:

– Его там повяжут.

– Кого повяжут? – не понял Мессир, занятый своими мыслями.

– Кота, – уточнил тот.

– Пусть вяжут, – спокойно согласился Мессир, – больше шума будет, а нам это на руку, как у фас гофруют.

И они ступили на борт вечерней, иллюминированной золотыми огнями, яхты.

– Ваш билет с вами? – остановившись перед каким-то новым устройством, спросил Мессир у Голицына.

– Со мной, а что такое?

– Ничего особенного. Просто из-за нехватки живой силы, в связи с разукomплектованностью экипажа, – сложно отвечал ОН, – пришлось использовать электронного помощника. Покажите ему свой билет.

И Голицын увидел над собою – подмигивающий ему зелёный глаз, который, время от времени, говорил голосом Лики, с интимно-проницательной интонацией: «Ва-аш биле-ет?».

– А если я не буду показывать ей своего билета? – от чего-то заартачился пассажир.

– Не пройдёте на яхту, – просто ответил Мессир.

– А вот, я попробую, – зачем-то упрявился тот.

– Не советую, – так же спокойно сказал Князь тьмы.

– Пустое, – манерно произнёс пассажир, вытащенное из старого сундука чужой жизни, слово. И двинулся вперёд.

Но не тут-то было. Он не смог сделать и шага вперёд. Что-то его не пускало. Но что именно, было не понятно. У Голицына даже закружилась голова, и ему стало дурно.

– Ну, довольно вам издеваться над собственным здоровьем, – строго сказал Мессир. – Показывайте свой билет.

Очумевший пассажир молча подставил противному глазу билет свой, и слегка пошатываясь, от неравной борьбы с ним, прошёл дальше – на корабль».

@ @ @

Виталий отпрянул от стола. Выпрямил свою ноющую от боли спину. Стал массажировать позвоночник у самой шеи. Но боль, вызванная невероятным напряжением, не отпускала. И он понял, что больше не в силах читать, и вообще, сидеть у компьютера. Тогда он закрыл файл, и выключил компьютер.

16. Призраки из «Леты»

Пообедав, Виталий лёг отдыхать. А, улегшись, принялся читать при свече, но глаза его быстро устали, и он, загасив свечу, попытался уснуть, и уснул.

Но скоро он проснулся. Какое-то волнение, какое-то беспокойное чувство, вселившееся в его грудь, заставляло его спешить. Спешить вычитывать текст романа, чтобы что-то осознать, прийти к какому-то решению, и поставить окончательную точку. Видимо, он боялся, что кто-то или что-то – могут ему в этом помешать.

Тогда он поднялся, вскипятил и заварил в чашке чай, зажёл в своей комнате остаток свечи, включил компьютер, открыл файл «МЕССИР», и продолжил чтение.

@ @ @

«Очумевший пассажир молча подставил противному глазу билет свой, и слегка пошатываясь, от неравной борьбы с ним, прошёл дальше – на корабль.

Голицын вышел на палубу, посмотрел на освещённый прожекторами Кремль, с его красными рубиновыми звёздами, и, вдохнув в себя свежего воздуха от реки, сел на диванчик у борта, и, наконец-то, расслабился.

Он видел, как Мессир прошёл в свою каюту. Как стала подходить публика, по одиночке и парами. И Голицын решил, что пора зайти в салон. Он встал, поправил галстук, причёсался, вошёл в коридор, и двинулся к дверям салона кают-компаний.

Когда Голицын вошёл в салон, то ему в глаза сразу же бросился, стоящий за стойкой, Бэс, жонглирующий шенкелем, как заправский бармен. Его торс был так же гол и торчал над стойкой бара, что и удивило Голицына. Тогда он подошёл к карлику, и, заглянув через стойку, сразу же понял, что тот возвышается благодаря подъёмному полу под ним. Единственно, что было прибавлено к наготе Бэса, так это – белая бабочка под его подбородком, в тон к его набедренной повязке, и неизвестно на чём держащаяся, так как – шею у карлика практически не было.

Теперь Голицын вдруг вспомнил, где он видел такую же кожу, как у Бэса. Ещё в школьном возрасте ходил Голицын с бабушкой Морей в зоопарк, куда привезена была какая-то знаменитая слониха, имени которой он сейчас уже не помнил. Но вот, шершавая грубая грязно-серая кожа её запала в память Голицына. И точно такую же кожу он наблюдал теперь на карлике. И только он подумал об этом, как тут же учуял смердящий запах, исходящий от Бэса.

– Бэс, – по-свойски произнёс Голицын, – коли, уж вы стали за стойку, то вам бы стоило и одеться, ей богу, а то ведь смердит от вас. И от этого, столичная публика у вас ничего и брать-то не будет.

– Не волнуйтесь, уважаемый, подходят и берут, как миленькие, – пробулькал он, не переставая жонглировать шенкелем.

Голицын осмотрелся, и понял, что на стойке бара выставлены блюда и напитки, а в салоне нет ни одного столика, кроме бильярдного, вокруг которого стоят пустые стулья.

«Бесплатный ужин в стиле „аляфуршет“», – догадался Голицын, с жалостью посмотрев на стоящих у стен гостей, держащих в руках своих блюда и напитки. И тут, его накрыла горячая волна: по салону грациозно прохаживалась вороная кобылица, а по стенам висели картины Репина, Васнецова, Сурикова, Кончаловского, Дейнеки... Голицын ещё раз пробежал глазами по картинам. Нет, ни одной его картины здесь не было.

Чёрная лошадь поравнялась с Голицыным, скосила на него свои большие карие глаза, дёрнула головою, зазвенев серебряной уздечкой и удилами, и демонстративно отвернувшись от него, пошла дальше по салону.

– А насчёт моего запаха, – вдруг стал отвечать, на замечания Голицына, Бэс, – так, пусть нюхают, пусть привыкают. Так распорядился ХОЗЯИН.

– Бэс, сделайте-ка мне чайку, – обратился к нему Голицын, – да погорячей.

– Уже, – сказал Бэс, прекратив свой жонглиж, и достав из-под стойки чашку парящего чая, на блюдце. – Прошу, маэстро!

– Я люблю погорячее! – повторил Голицын, не доверяя такой быстроте обслуживания.

– Я знаю, что вы любите погорячей. Мы уже привыкли к вашим вкусам, маэстро. Пейте на здоровье.

Голицын попробовал чай – он был огненно-горячим.

– Ум-м, хороший чай, – оценил Голицын, и, дожидаясь, пока тот подостынет, стал вглядываться в публику, которая, видимо, частью уже прибыла на сеанс.

Его внимание привлекла высокого роста дама в красном, с золотыми блёстками, длинном платье, с волочащимся по полу, удлинённым сзади, как бы острыми лепестками, подолом. Оно было глубоко декольтировано и на тонких бретельках. Когда эта дама делала шаг, осматривая картины, то из-под платья показывалась её, то одна, то другая открытая босоножка, с красно-золотой перепонкой и пальчиками ног, с чёрным педикюром. На руки её, повыше запястий, был наброшен широкий чёрный полупрозрачный шарф, свободно опоясывающий её сзади, и ниспадающий ниже бёдер. Тёмно-коричневые волосы её были забраны вверх, и закручены некой трубой, от затылка до лба. Голицын плохо ориентировался в возрастах, особенно – женских, поэтому, он мог бы дать этой даме от тридцати пяти до сорока пяти лет. Она была красива лицом: прямой нос, тёмные глаза с колким взглядом и бровями – вразлёт. Её же морковные губы, с широким разрезом, как будто затаились, и что-то скрывали, боясь невзначай, взболтнуть это – «что-то».

Не отставал от этой дамы её кавалер. Это был коренастый мужчина, лет пятидесяти, с блестящей лысой головой и гладко выбритым лицом, одетый в чёрный смокинг с красной бабочкой, в тон её вечернего платья.

От картин к спинкам стульев и обратно, всё время вояжировала другая дама, в зелёном блузоне, берущим своё начало от её рельефно выделяющейся груди, как бюстгальтер. На талии же, блузон этот подпоясан мужским поясом, и ниспадает он из-под ремня на чёрную пышную юбку, с откровенными вырезами с боков, переплетёнными шнуровкой, через которые видны её чёрные узорные колготы, контрастно выделяющие светящееся тело её ног. Плечи и предплечье рук её были оголены, а от локтей, раздувались широченные рукава из белого пушистого материала, закреплённые на голом предплечье рук, чёрной волнистой тесьмой. На голове её была сиреневая шляпка пирожком и с небольшими полями, одетая набекрень, а из-под шляпки, к плечам спускались густые светлые волосы. На шее же её была безалаберно повязана тонкая полоска из какого-то грязно-сиреневого меха. Под острым длинным носом её были ярко накрашенные губы, сквозь которые она, то и дело, показывала свои белые ровные зубы, толи, улыбаясь, толи, щерясь от негодования на непонятно – что. И вызывающе держа длинные пальцы своих полусогнутых рук, на беспокойно играющих бёдрах.

«Какая экзальтированная дама» – отметил для себя Голицын. И ещё привлекла его взгляд, одна странная пара: он был мал и невзрачен сам собою; с модной небритостью на лице. Одет он был в блестящий, тёмных тонов, костюм. Она же, была этаким молоденькой дамочкой, не тонкой кости. На ней была сплошь чёрная одежда, из лёгких тканей, но вся эта одежда была, казалось, порезана на куски и кусочки, и покроена крайне асимметрично. Так, что кругом и везде мелькали и светились фрагменты её белого тела. А то, вдруг, из-под метущегося по полу, расширенного книзу и украшенного блестящими полосками бирюзовой фольги, подола платья, в полный свой рост – выступала целая оголённая нога её, в тоненьких ремешках чёрных босоножек на невысоком каблуке и с толстенькими пальцами ног, ногти которых были окрашены в бирюзовый же цвет. Жёлтенькие волосики на её головке неопрятно свисали

чуть пониже её ушей. Широкие красные губы, маленькие глазки, коротенький носик и всё её личико с острым подбородком – выказывали бесшабашное непослушание. Эта пара ни минуты не находилась рядом друг с другом. Вот и сейчас – она стояла по одну сторону бильярдного стола, попивая белое вино из бокала. А он, смотря на неё в упор исподлобья, и держа в руках её пелерину – стоял по другую сторону стола, ни на секунду не спуская с неё широко округлённых глаз своих.

Потом Голицын перевёл свой взгляд на молодую женщину, в строгом чёрном платье, с короткой причёской, аккуратно уложенных тёмных волос, нервно перебирающую пальчиками рук по своему маленькому чёрному ридикюлю. Рядом с нею находился её мужчина, с седою прядью волос и жирным ртом, жующим бутерброды, чем он и был полностью поглощён.

Далее шли одни мужчины, в общем, одинаково одетые – в тёмные костюмы и галстуки, как правило. Но все здесь собравшиеся были заряжены одним – ожиданием чего-то непонятного, хотя внешне они этого и старались не показывать.

И Голицын принялся за свой чай. Как вдруг, в салон вплыла высокая блондинка, с закрученными змейками пышно разбросанных волос, в красном платье-брюках, пошитым из полупрозрачной ткани в поперечную межу – одна полоса, той же, непрозрачная, другая – прозрачная, сквозь которую видны были её чёрные тонкие фигурные трусики и такой же бюстгальтер. Это платье начиналось от её маленькой груди и без всяких бретелек. Плыла она в красных же открытых туфлях на квадратных каблуках. За нею, тяжело дыша, и широко раскачиваясь с ноги на ногу, вкатился толстый пузатый мужчина, в расстёгнутом велюровом пиджаке и голубой майке, и держащий в руках своих её накидку из гагачьего пуха. Она огляделась вокруг, взяла у подошедшего мужа или друга, свою гагачью накидку, игриво бросила её себе на голое плечо, и послала его к стойке бара. Он взял со стойки тарелочку с бутербродами, бокал с красным вином, и пошёл к ней, и стал перед ней, и она выпивала и закусывала с его руки, а он стоял, держа тарелочку в одной руке, утираясь носовым платком, другой своей рукою, и при этом, вертя головой по сторонам.

Голицын вернулся к своему чаю, и, взглянув на карлика, сказал:

– Так что, значит, наша баронесса окрестилась в православную веру, и нареклась Александрой?

– Да, – ответил тот, протирая тряпочкой рабочую поверхность стойки бара, – такая судьба.

– Какая судьба? – выпытывал Голицын.

– Да уж, какая выпала, в связи с её созданием, – печально проклекотал тот.

– Но я же не знаю, что было потом – после бани-то, – напомнил ему Голицын.

– А что, после бани-то, – пожал шершавыми плечами Бэс, – она ушла в дом, а рыцари её, не говоря ни слова друг другу, собрались, и разъехались по своим постоянным дворам.

– А утром? – подсказывал ему Голицын.

– А утром? Утром они сидели в сёдлах, и дожидались свою королеву, – приоткрыл продолжение рассказа Бэс. – А когда она появилась в виду их, на своём сером в яблоках коне, то Мурза-Ага, сощуриив свои глазки, сказал князю: «Какова бы ни была эта фря, а мы ей хорошего жару дали». И ещё больше сощуриившись своими и без того узкими глазами, он зорко и выжидающе следил за лицом князя, исподтишка. Князь же, глядя вдаль, серьёзно ответил на это: «Или она нам дала». И Мурза-Ага залился смехом. Но потом, вдруг посерьёзнев, твёрдо сказал: «Нет, князь, она нас – одной верёвочкой повязала. Шайтан-женщина. Но какого бы – фряжского она ни была рода-племени – я буду служить ей как верный пёс. Ты можешь быть покоен, князь, пока она того желает. Можешь ехать к своей молодой жене. Ждёт, небось, во Пскове?» – И Бэс затих, наблюдая за гостями, и подставляя на стойку новые блюда и бокалы с вином.

– Ну? – коротко спросил его Голицын.

– Не нукайте – не запрягли, – огрызнулся тот. И продолжил свой рассказ – Подскакала к ним баронесса, и сходу шумнула: «Жаль, что у вас не приняты рыцарские шпоры! У нас – первый ритуал посвящения в рыцари – это надевание шпор на сапоги воина! Золотых или серебряных!» – так она с ними поздоровалась. А потом приказала: «Что ж, погоняйте своих коней так, без шпор. За мной, рыцари!» – и они поскакали к церкви. Там её крестил сам настоятель, потому как, получил от неё рекомендательную грамотку, писанную архимандритом Василием. А Василий пользовался большим авторитетом, как в церковных кругах, так и в гражданском сообществе. И всё крещение прошло, как полагается – с наречением нового имени, с обетом отречения от служения дьяволу, – не мной будь сказано, – с окунанием в купель, хождением вокруг купели, надеванием белых одежд и креста, и таинством миропомазания, – закончил он, продолжая следить за гостями.

Голицын тоже обратил внимание на ещё больше притихшую публику, которая, как понял он, стала прислушиваться к их светской беседе с карликом.

А проходящая мимо собеседников кобылица, громко фыркнула прямо в лицо Голицыну, и гордо подняв голову, пошла дальше по салону.

– А после крещения что ж, они разъехались? – тихо спросил Голицын, провожая настроженным взглядом, удаляющуюся от них кобылицу.

– Нет. Они сопровождали её до Новгорода, а там уж – разъехались, – объяснил Бэс. – Князь поехал во Псков, как и советовал ему посол Ордынский. Потом князь получил от своего сына Феодора благое известие из Золотой Орды, и, не медля, отправился туда. Был благосклонно принят ханом Узбеком, получил обратно в своё владение Тверь и всю Тверскую волость, и вернулся домой вместе с Феодором, ликуя и празднуя счастливое разрешение своего дела.

– А как же баронесса? – нетерпеливо домогался Голицын.

– А что баронесса, – невозмутимо пробулькал тот, – баронесса продолжала жить своей замужней жизнью. Конечно, ей не терпелось встретиться с князем, и они встретились однажды, когда он проезжал по Новгороду, со всей семьёй своей и свитой, наряженный в праздничный красный плащ, поверх серебра кольчуги. Баронесса, замирая, смотрела на него, и ждала, но он даже не взглянул на неё. Хотя, конечно же, он её заметил. Её нельзя было не заметить – она восседала на своём сером в яблоках коне, прямо у обочины той дороги, по которой ехал князь, и наряжена она была в свой чёрный рыцарский плащ с огненно-красным крестом посередине.

В углу салона заржала лошадь. А к стойке подошла экзальтированная дама, в сиреневой шляпке и зелёном, небрежно сидящем на ней, блузоне, и, взяв бокал с белым вином, стала попивать из него, стреляя глазами своими, то в Голицына, то в Бэса, и при этом, брезгливо морща своё остроносое лицо.

Другие же, присутствующие здесь женщины, и некоторые мужчины, тоже, незаметно сократили расстояние между собою и стойкой бара, где вели необычную беседу странные собеседники.

– Но всё же, она была горда им и собою, – неожиданно прибавил Бэс к только что сказанному. – И она радовалась за него, – ещё добавил он.

Возникла неловкая пауза.

И сейчас Голицын учуял своим носом, как салон их наполнился чужими запахами женских духов и нахально-навязчивыми запахами мужских одеколонов. Ноздри его раздулись, он зло засопел, и встретившись взглядом своим с вызывающе-любопытным.

Взглядом экзальтированной дамы, что стояла уже совсем близко к ним, Голицын стал спиной к ней, и, наконец, спросил у карлика:

– А Мурза-Ага??

– А что Мурза-Ага? – печально пробулькал тот, – Мурза-Ага, по прошествии времени, был отозван в Орду, где предстал перед ханом Узбеком, которого окружили там, своим теплом и заботой, с дорогими дарами – Иоанн Калита, со своими детьми. И посол Ордынский

всё понял. Он вспомнил их встречу с Великим князем Московским, по дороге на Владимир, и догадался о коварных розысках и дознаниях Калиты. Но Мурза-Ага не пенял на себя. Он ведь отлично знал, что два Великих князя никак не могли бы ужиться друг с другом. И что одному из них – быть убиту, непременно. И так же знал прозорливый посол Ордынский, что победит из них тот, кто стоит за укрепление власти Княжества Московского над всеми другими русскими Княжествами. Но Мурза-Ага знал и другое, что эта единая сила Москвы – не на руку Золотой Орде. Но хан Узбек и слышать об этом не желал – хан желал лести и дорогих подношений. Так – была решена судьба князя Александра Михайловича. – вздохнул Бэс, и замолчал.

– А баронесса?? – не давал ему покоя Голицын.

– А баронесса, как вам будет ни странно, с новой энергией стала на защиту князя.

– Каким же образом?? – поразился Голицын.

– У-у-у, – протянул карлик, – она прознала от Мурзы-Ага, что Калита купил одного из людей его охраны, и тот поведал ему, что князь, баронесса и Ордынский посол, со своим немым воином – оставались всю ночь наедине, без лишних глаз и ушей. И что так – они чинили заговор против хана Узбека, и готовили на него покушение. А хану было – чего бояться: в ту пору: в Орде познали вкус золота, денег, рабов и другого богатства. И каждый, из знатных особ Ордынских, кланов и родов, хотел больше властвовать, чтобы больше иметь. И хан, испуганный наветами Калиты о тройственном заговоре, настойчиво звал князя Александра Михайловича – прибыть в Орду! Но князь всё не ехал, боялся – чуял неладное. И вот, как спасение, он получил записку от баронессы, которая снова просила его отослать к ней Феодора, для поездки, под её патронажем, в Золотую Орду.

– Что же она задумала? – спросил с нетерпением Голицын.

– Она убедила Литовского князя Наримунта и своего мужа, что им необходимо ехать к Хану, вместе с нею, чтобы снять подозрения с Великого Княжества Литовского, вызванного невинной поездкой её в город Владимир, на могилу Александра Невского. И убедила их. И целый конный поезд, во главе с князем Наримунтом, где были и баронесса с мужем, и сын Александра Михайловича – Феодор, двинулся в путь. И вскоре прибыл в Золотую Орду.

На этом месте своего рассказа Бэс умолк, и посмотрел своим мутным глазом, в упор, на приблизившуюся к ним молодую женщину, что была одета в строгое чёрное платье и с аккуратно уложенной причёской коротко остриженных тёмных волос.

– Вы что-то хотели, мадам? – спросил её карлик, своим булькающим, как через ревербератор, голосом.

Тогда она ещё энергичней стала перебирать своими пальчиками по чёрному ридикулю своему, лицо её побледнело, но чёрные зрачки её глаз были неподвижны, и смотрели прямо в замутнённый глаз Бэса. Наконец она произнесла, слегка поперхнувшись собственным звуком:

– Нет, нет. Гм. Я просто хотела взять бокал красного вина, если позволите.

– Берите, мадам, оно перед вами, – дежурно ответил Бэс.

Она подошла, взяла со стойки бокал с красным вином, и, сделав два шага от стойки, остановилась, и замерла.

А Голицын, глядя на её прямую спину, отметил для себя: «По-моему, эта дама – единственная из всех присутствующих, которая поняла, что одноглазый карлик, за стойкой, это не артист из какого-то столичного мюзикла, и что всё здесь довольно серьёзно и без запаха кулис. Здесь всё – имеет совсем другой запах».

И чуть улыбнувшись, Голицын снова повернул голову в сторону карлика.

– А что же муж? Как же он отнёсся к крещению своей жены? Это же скрывать, в то время, было невозможно? – вопрошал его Голицын, отхлебнув чая.

– Он сложно к этому отнёсся, – отвечив тот, снова протирая поверхность стойки аккуратной тряпочкой, – но успокаивал себя тем, что баронесса была зла на Папскую Церковь, а остальное приписывал её романтическому, увлекающемуся складу характера. Тем более что

в то время принял православие даже брат Наримунта – Литовский князь Ольгерд, и тоже – тайно, якобы.

– Так что же она предприняла по прибытии в Золотую Орду? – продолжал свои вопросы Голицын.

– Прежде всего, – не замедлил с ответом карлик, – она добилась аудиенции у ханши, и рассказала той всё, как на духу. Всё, как это было во Владимире.

– Как?? – изумился Голицын. – Рассказала про любовь – втроём?!

– Вчетвером, – поправил его Бэс.

– Ах, да. Ну, да – вчетвером, – поправился слушатель. – И что же ханша?

– А ханша всё поведала своему мужу Узбеку, – незамедлительно ответил Бэс.

– И что же тогда хан? – не терпелось узнать Голицыну.

– Хан согласно покивал, рассказу своей ханши, но ничего ей не ответил, на её рассказ про откровения баронессы. И никому больше не повторял этого рассказа «о страстной любви и жёстком сексе». А всех прибывших в Орду – отпустил с миром, кроме Феодора, и обещал разобраться с возникшими слухами – по справедливости. Дело в том, – переведя дыхание, продолжил Бэс, – что хан Узбек, после такой откровенной исповеди баронессы перед ханшей, ещё больше уверился в обратном. То есть – в заговоре против него. И с этим своим убеждением, он приказал Мурзе-Ага немедленно вызвать князя в Орду, якобы для примирения.

И тогда, Мурза-Ага был вынужден убедить князя в полной безопасности его прибытия в Золотую Орду. И тот поехал. «Казалось, что сама природа остерегала несчастного князя: в то время, как он сел в ладью, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай, казался народу бедственным предзнаменованием» – так описал тот отъезд князя, ваш знаменитый историк Карамзин.

– Ах, это Карамзи-ин, – встряла в его рассказ экзальтированная дама, продолжающая стоять здесь, опершись рукой о стойку бара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.